

Юрий Косарев

Земной рай

трилогия

Юрий Косарев

Земной рай. трилогия

«Издательские решения»

Косарев Ю.

Земной рай. трилогия / Ю. Косарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746976-4

Земной рай — трилогия. Три периода жизни в России. Советский период — «Герой советского времени», настоящее время — детектив «Черная метка» и «Гастарбайтеры». И третий период — «Земной рай» — через 5 столетий.

ISBN 978-5-44-746976-4

© Косарев Ю.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Герой советского времени	12
Поездка	13
Поздний телефонный звонок	19
Командировка	23
Престижная профессия	31
Выходной	34
Бочка	39
ДНД	48
Шабашка 1	51
Шабашка 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Земной рай
трилогия
Юрий Косарев

*ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ БЫТЬ СЧАСТЛИВ ТОЛЬКО ПРИ
УСЛОВИИ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО РАВНОВЕСИЯ*

© Юрий Косарев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Степанов иногда встречал знакомого инженера из ближайшего санатория. При встрече они приветствовали друг друга и только. Михаил Павлович Щербаков – так звали инженера, работал в конторе санатория, жил у жены в ближайшем городе, а свою комнату имел в общежитии-бараке. Лет пятьдесят назад для обслуживающего персонала санатория решили построить поселок. Выбрали место, в пятистах метрах от корпусов санатория и начали строить. Как шутили перед началом строительства, «отправят обслугу куковать подальше от санатория.» С тех пор образовавшийся поселок стали именовать Кукуем. Живописная местность вокруг, на берегу небольшой речушки, стали вырастать домишки и сараи. Со временем построили пятиэтажку-хрущевку и десяток одноэтажных домов на две семьи, со входами с разных сторон. Обслуживающий персонал, к нему принадлежал и Кочетов, состоял из местных жителей ближайших деревень и приезжих с разных концов необъятного советского союза. Жители поселка вели крестьянский образ жизни. Заводили скотину, птицу, обрабатывали огороды, раскапывая землю где свободно. По утрам, небольшая деревенька, с единственной пятиэтажкой, оглашалась ревом коров, коз, кудахтаньем кур и лаем собак. Но поскольку коммунальные услуги обеспечивались котельной и канализацией – именовался Кукуй поселком Старое здание барака, в котором жил Михаил Павлович и еще десятка три сотрудников и чуть позже не сотрудников санатория, просуществовав около пятидесяти лет, постепенно приходя в негодность, в одночасье сгорел. Пожар случился, как всегда неожиданно. Централизованного отопления в бараке не было и потому в каждой отдельной комнате стояла своя печь. Ранней весной один из обитателей барака крепко напился, затопил печь и уснул. К середине ночи барак полыхал вовсю. Пока приехали пожарники от большого длинного дома осталась небольшая часть обгоревшего сруба без крыши да кирпичный фундамент. Постояльцы выскакивали из огня в последний момент в чем мать родила. Не обошлось без крепкого русского мата, слез и ожогов. Михаил Павлович принял пожар спокойно. Наиболее ценное – деньги, документы и кое-что из одежды он успел спасти и не особенно жалел о случившемся. Жизнь в бараке давно осточертела всем обитателям и глядя на квартиры в пятиэтажке со всеми удобствами говорили.

– Ну слава богу, что сгорел, давно нужно было ему гореть синим пламенем.

Лишившись жилья погорельцы стали устраиваться кто как мог. Кто-то добился комнаты в общежитии в ближайшем городе, кто-то получил участок земли с правом построить себе жилье, кто-то ничего не делал, ничего не добивался, пустил дело на самотек. Михаил первый заявил о правах на не догоревшую часть барака. Абсолютно черные, наполовину сгоревшие бревна сруба, особенно сверху, источали невыносимый сильнейший запах гари. Казалось, что этот запах пожарища невозможно будет убрать когда-нибудь. И кроме сгоревшего наполовину сруба – ничего, казалось, нельзя было использовать для стройки. Но упорству и уверенной настойчивости Михаила можно было позавидовать. На третий день после пожара он начал восстанавливать для себя жилье. Скреб с бревен до чистой древесины, убирал мусор и разбирали торчащие трубы и печи на пожарище. Оказалось, в умелых руках, кирпичи печей и фундамента отличным строительным и абсолютно бесплатным материалом. Он ревностно следил за поселковскими мародерами, тоже положившими глаз на дармовые кирпичи и нещадно, когда видел, гонял посторонних со своей стройки. Медленно, но неуклонно, бесформенное нагромождение железа, мусора, кирпичей, сгоревших и не догоревших бревен на отвоеванной своей площади Михаил превращал во что-то похожее на дом. Другие погорельцы, не нашедшие надежного пристанища, уже пожалели, о том, что по горячим следам не последовали за Михаилом, но было уже поздно. Районные власти объявили сгоревшее место муниципальной собственностью и спустя год или полтора продали заезжему богатенькому москвичу со всем оставшимся мусором и полурастащенным фундаментом. Молодой москвич нанял рабочих,

обнес хорошим забором, очистил от мусора. Получился отличный участок, на самом берегу реки и у дороги. Далее москвич-собственник начал строительство большого кирпичного дома. Но потом стройка по каким-то причинам остановилась. Поговаривали в поселке, что он бандит и его посадили в тюрьму, что он продает участок за миллион. Но точно никому ничего не известно. А стройка продолжала стоять, участок зарос крапивой и лебедой. Михаил Павлович с завидным упорством продолжал свое дело. Не спеша клал кирпичи, складывал их в столбы, арки и стены. Работал с большой охотой и удовольствием. Дом приобретал вид красивого, ухоженного строения с колоннами, арочными проемами и остроконечными крышами. Его можно было пожуричь за темпы строительства, но уж больно аккуратно и великолепно все смотрелось и стройка радовала глаза всех жителей поселка. Кое кто считал Щербакова чудачком и по началу никто не верил, что из остатков пепелища что-нибудь получится. Но Степанов верил инженеру и сам бы взялся за такое дело, но трудолюбие Михаила его радостный труд, вера в успех, стремление к красоте – покорили его и он искренне, почти не зная его – уважал. Как-то Степанов и Щербаков, встретившись, остановились на дороге. – Добрый день – приветствовал Николай соседа.

– Здравствуйте Николай Николаевич.

– Михаил Павлович хочу предложить вам книгу. Купите ее у меня. Я продаю ее по себестоимости.

– А почему по себестоимости?

– Я сам написал эту книгу, издал на свои деньги и каждый экземпляр обошелся мне в сто пятьдесят рублей. Я и не рассчитывал получать прибыль, просто хотел попробовать оставить наследникам свое видение советского периода моей жизни. Часть подарил, часть хочу продать, хоть частично компенсировать затраты, часть оставлю на хранение. Считаю, что ее ценность, с течением времени, станет возрастать, как старинный диван, изготовленный в дровяном сарае в пятидесятых годах прошлого века. Новый, в современном магазине – стоит две тысячи, а старый, из антиквариата – пятьдесят. Но это не важно. Купите книгу – вы еще молоды. Прочитаете – увидите жизнь со слов очевидца, не о высших кругах и чинах советского общества, а о простом труженике содейственности.

– С удовольствием, а вы действительно написали эту книгу?

– Да, конечно, моя первая, хотя я и давно балуюсь подобным делом.

– Покупаю сейчас же. Трудно найти человека среди здешнего населения грамотного, порядочного и занимающегося литературой. Я тоже немного пишу, так для себя, так что прочитаю с интересом. Если хотите, поделюсь потом своим впечатлением.

– Не только хочу, очень прошу об этом, не обращайтесь пристального внимания на ошибки и стилистику. Схватите главное – содержание, последовательность, противоречия. Мне ужасно не хватает деловой, толковой критики, но абсолютно не приемлю огульной, мелочной и не аргументированной. Я вас не знаю и подарил бы книгу, но как часто бывает, что достается даром совсем не ценится. Вот типичный, сегодняшний пример. Подарил книгу человеку, а он ее просто выбросил. Хорошо, что я ее случайно нашел. А еще я ему и автограф написал. Он поступил не совсем хорошо, а мне обидно. С тех пор малознакомым стараюсь не дарить.

– Со мной такого не произойдет, обещаю и пожалуйста – прошу автограф.

– С удовольствием.

Николай подписал книгу. Михаил расплатился и мужчины разошлись по своим делам.

Через несколько дней Михаил и Николай снова встретились.

– Здравствуйте Николай Николаевич.

Степанов тоже пожелал Михаилу здоровья.

– Рад приветствовать вас. Прочитал вашу книгу. Я в восторге, поражен, очень понравилось, особенно...

И Щербаков стал перечислять, что понравилось больше всего, что не очень, не обошлось и без критики.

– Михаил Павлович разреши мне называть тебя только по имени. Короче и я постарше, так сказать следующего поколения, а меня зови, если хочешь, только по отчеству.

– Хорошо, Николаич.

– Михаил – мне приятно, не скрою, слышать хвалебные отзывы, но я реально сознаю ценность книги и совсем с тобой не согласен. Есть, думаю, стоящее – если нравится мне – может понравится и другим. Для многих, поживших поменьше меня, кое-что покажется интересным или любопытным.

– Я тоже немного пишу – начал Михаил – но все личное, не для широкой публики.

– Если ты дашь мне почитать – то дальше меня не уйдет. Я собираюсь еще писать и довольно много уже на бумаге. Мог бы вставить твои труды в мои или наоборот – мои в твои. Я не щепетилен – готов к соавторству. Может что и получится.

– О соавторстве можно подумать, но у меня есть некоторые идеи и наработки.

– Я весь внимание.

– Известно, что на земле существуют сотни государств и все устроены по разному. Были, да и сейчас еще есть рабовладельческие хозяйства – государства в миниатюре, феодальные, крепостнические, социалистические, партократические, демократические, капиталистические и прочие и прочие. Их мутации, производные и так далее. Но ни одно общество нельзя назвать успешным, удачно скроенным. Скорее всего на сегодняшнем уровне развития идеального общества или хотя бы приближающегося к нему создать нельзя, невозможно, как говорится – миссия невыполнима. Но человечество и каждый в отдельности, всегда задумывались о блаженном земном рае. Сознывая невозможность создания глобального, идеального образа жизни всех, неординарные личности стали думать и даже претворять в жизнь, совершенные, по их мнению, государства. Утопические, социалистические, коммунистические, развитые и с разными лицами. Все общества оказались несостоятельны, хотя и существуют кое-где и сейчас. И еще много людей верят в коммунизм.

С целью создания наиболее приемлемого устройства государств, для регулировки их отношений, выявлении недопустимых путей развития, определения и фиксации отдельных и глобальных негативных действий людей, наделенных какой-то властью, катаклизмов в природе и много чего другого, связанного с миром людей – передовые страны, их представители создали организацию, которая получила название – «Организация Объединенных Наций» – ООН. Но, к сожалению, ООН из действующего международного объединения превратилась в послушный инструмент одной великой державы.

– Хорошо, Палыч, я готов подписаться под каждым твоим словом, ты нарисовал картину, отвечающую на первый извечный вопрос. Что происходит. Но существуют еще два. Кто виноват? И, Что делать? На второй вопрос я тебе отвечу сам.

– Интересно.

– Совсем нет. Виновата наша человеческая сущность. Мы продукт природы с большим, чем у любого дитя природы мозгом, с интеллектом и другими атрибутами. Но мы прежде всего животные – с запросами на пропитание, территорию, комфорт и прочие надобности. И конца и края этим надобностям нет. Сколько не дай все мало – хуже животных. Съедаем не только еду, но и друг друга, причем совсем без надобности. И пока животное начало в человеке существует, я думаю на третий вопрос ответа не найти.

– Я знаю ответ на третий вопрос.

– Сомневаюсь я – саркастически ухмыльнулся Николай.

– Ну слушай. Мы с тобой не затрагивали вопрос о времени, а это очень важно, когда количество превращается в качество. Коробка спичек практически ничего не стоит, область ее применения ничтожна. А если миллиард коробков? Это много домов или тысячи кило-

ватт электроэнергии или многотонная разрушительная машина – сам включи свою фантазию на досуге. Я не зря упомянул про время. Сегодня, завтра, через год, даже через сто лет из обезьяны не сделаешь человека, а у человека не выведешь животные инстинкты. Но стремиться к этому нужно.

– Да нам жить с тобой вместе взятым втрое меньше, а за сто лет все равно ничего не получится.

– Правильно, не получится, даже думаю, что и тысячи может быть не достаточно.

– Так зачем же копыя ломать?

– А вот зачем. Прежде чем решать какую-то проблему необходимо правильно, толково, доступно поставить вопрос. Правильно поставленный вопрос – наполовину решенная задача. Что мы хотим иметь в результате решения. Тебе известно, что задачу ставит Заказчик, а вот техническое задание на решение этой задачи разрабатывает только сам Исполнитель. Заказчик часто не обладает необходимыми знаниями для разработки технического задания. Необходимо сформулировать задачу по созданию идеальной модели общества и человека в нем. Скажу сразу – идея не моя, но мне близка. Наиболее одаренные личности человеческой цивилизации на земле, а как повод окончательная кончина ООН, из разных стран задумались над проблемой, о которой я только что говорил. Среди этих колоссов не бездари или голосисто-горластые политики, рвущиеся к власти, считай к деньгам, а выдающиеся мужи, ученые с мировыми именами, лауреаты нобелевских премий, директора крупнейших учебных заведений мира – их никак нельзя заподозрить в корыстных целях или отсутствии умственных способностей. Это их идея. И именно они сделали первые конкретные шаги к разработке ТЗ. Уже создана в США международная организация по образу ООН, но с другими целями и задачами. Она получила название – Организация Духовных Объединенных Наций – коротко ОДОН. О ее целях и задачах мы поговорим позже, если ты заинтересуешься. От ОДОН в России уже организовано ее региональное отделение, которое получило название – Общество Равновесия / ОР /. И я являюсь членом этого общества и тебя, с твоим талантом, приглашаю вступить в ОР.

– То, что ты говоришь достаточно интересно и, на мой взгляд, не лишено права на существование. Долью водички на твою мельницу. Надо реально представить модель того общества, того далекого и не очень очевидного будущего Человека и пути движения к светлому, далекому. Да, ведь уже были подобные теоретики: утописты, Маркс, Энгельс, Ленин и боже упаси – Сталин. Чуть отвлекусь, самую малость, но все же по теме. Анекдот. Сдали экзамен по теории коммунизма трое и преподаватель зачитывает оценки: Маркс -2, Энгельс – 2, Ульянов – 1.

– Ленин возмущенно – А почему мне кол? Что я рыжий?

Преподаватель отвечает.

– Да, рыжий и не надо списывать у бездарей-двоечников.

Их теоретический коммунизм – лопнул, как мыльный пузырь. А девиз коммунизма – от каждого по способностям, каждому по потребности – полная чушь. Где же взять потребности, если нет способностей.

– Николаич, я пришлю тебе материалы по ОР, ты посмотри, оцени и определи свое отношение. Мне бы очень хотелось использовать твой талант на благо ОР.

Николай перебил Михаила.

– Таланта у меня нет, я в этом уверен, есть некоторые способности складывать слова и выражать мысли просто.

– Ну пусть так. Напиши, если хочешь помочь – каким ты видишь будущее общество и Человека в нем? Материалы я тебе занесу.

Мужчины разошлись, а Николай, как обычно, еще долго переваривал полученную информацию.

Оставшись один и занимаясь домашними делами Николай размышлял.

– Что здесь плел, какую чушь несусветно-реальную Михаил. «И про Москву так грозно» – процитировал он Грибоедова, но продолжал.

– Нобелевские лауреаты – это убедительно, их нельзя подозревать в меркантильности, но ведь к ОР наверняка присосутся пиявки, со шкурными интересами. Лично я готов бесплатно пошевелить мозгами – представить себе, написать на бумаге и отпечатать на компьютере модель идеального общества и настоящего Человека, а не того животного, каким и сам являюсь, и что творится вокруг. Сегодняшний человек в ОР не годится. Надо подумать, почтить, что даст инженер.

Несколько недель Степанов почти забыл или точнее не углублялся в размышления об обществе благоденствия далекого будущего. По сравнению с тысячелетием пара месяцев – это даже не миг, а что-то исчезающее малое. Да и не было в голове у Николая никакой идеи. Но серое вещество продолжало работать самостоятельно. На чем, на каких трех китах должно держаться ОР. Теория коммунизма опиралась на развитую экономику, политику, товарно-денежные отношения, средствах производства и так далее, но на сыпучем песке не возведешь небоскреб. Что должно стать опорой ОР, его китами на незыблемой почве. Что имеет не проходящую алмазную твердость, не подвержено никакому влиянию, свободно от инстинктов, от сегодняшней человеческой сущности. Ответ-идея где-то здесь. Точно – сейчас самой не преодолимой преградой для ОР, является природа человека – его животное начало. По Дарвину – выживает сильнейший, на чем сейчас и держится мир. Соблюдается природное, а значит и человеческое равновесие – когда первые живут поедая вторых, вторые – третьих и так далее, а последние едят первых. И этот бесконечно меняющийся круг, как сваренные концы одной цепи. Удаление одного звена, нарушив равновесие, приведет к глобальной катастрофе. Люди должны не поедать друг друга, а кормить, отдавая – тогда замкнутый цикл жизни сохранится и образуется ОР. Отсюда естественно вытекает – одно звено должно не убивать и есть, а создавать и отдавать ближнему. Значит надо вырастить одно звено, каждого Человека, умеющего получать, приумножать и передавать дальше по цепочке, как электрический ток. Думается, что для ОР необходим Человек, находящийся в равновесии с самим собой. Его основа мораль, самой высокой пробы, любовь, божьи заповеди. Вероятно путь бесконечно длинный, но дорогу осилит идущий. Медленное движение к ОР, воспитание каждого по образу и подобию Христа. Уже сейчас есть личности, не до конца, изжившие сегодняшние пороки, но способные приблизиться к человеку общества равновесия – ЧОР. Именно они хотят теоретически обосновать, разработать механизм движения к цели. Именно для этого и сделаны первые шаги к ОР – заокеанское ОДОН и региональное в России – ОР. По мере роста численности общества, воспитание, в первую очередь их членов и лучшие из них станут проповедниками и наставниками.

Степанов улыбнулся про себя.

– Блажен, кто верует, тепло ему на свете.

Когда Михаил передал отпечатанные материалы по ОР, Николай углубился в изучение. Надеясь встретить что-нибудь не познанное, не обращал внимание на ошибки и стилистику. Долго, с трудом осиливал незнакомый смысл, пытаюсь поймать главное. В довольно объемном описании искал технологию движения к поставленной цели. В явном виде не найдя полного понимания решил – пусть полежит. Он всегда так делал – когда не понимал сразу, откладывал на потом и при этом говорил.

– Полежит – поумнеет.

Не найдя явного ответа посчитал, что идея ОР имеет право на существование, а с неизбежными спутниками любого нового начинания – прилипалами, имеющие лишь шкурные интересы – как быть? Как ты считаешь?

– Безусловно, такие будут и с ними придется считаться и бороться. Без вселенского скачка в нравственности, психике, умственном и физическом развитии Человека – невозможно ОР.≈

– Почему я начал со своих книг? Потому, что все познается в сравнении. В настоящем времени и прошедшем ярко проявились, обнажились пороки общества с которыми в ОР делать нечего.

– Хорошо, Соавтор Николай Николаевич, договорились. Подумаем еще несколько дней, потом встретимся и поделимся планами. А если ты освоишь компьютер, то свяжемся по электронке.

www

Так началось творческое сотрудничество двух, неординарных, равнодушных друзей-товарищей, из под пера, или, если хотите кнопок, появилась это произведение, которое получило название – трилогия, под общим названием «Земной рай». Оно состоит из трех самостоятельных, не зависящих друг от друга частей, но объединены они одной, общей идеей. Суть которой в том, что так как жили и живут простые граждане жить нельзя, не хорошо, не только каждому в отдельности, но и всем вместе.

Персонажи первой части и ее главный герой живут, работают, творят, любят и существуют в советский период истории России. Главное действующее лицо – рядовой инженер – без особых способностей и талантов, но трезво оценивающий свою жизнь и не доволен ею. Он не свободен от недостатков, свойственным людям его времени и его можно смело экстраполировать на других граждан страны. Описывая его жизнь, авторы пытались изобразить одного Человека, похожего на подавляющее большинство сограждан.

Во второй части трилогии, которая сама состоит из трех произведений под названием «Черная метка», «Гастарбайтеры» и «О книгах», которые соответственно можно назвать – детектив, повесть и очерк. Вторая часть под общим названием «Люди сегодняшнего времени» – рисует уже много персонажей из самых различных слоев общества в первой декаде двадцать первого века. Это время часто называют «Диким капитализмом» – характеризующийся полным игнорированием всех писанных и не писанных законов и заповедей. Всеобъемлющий бандитизм, взяточничество, возведенное в ранг закона, коррупция – разделившая общество на кучку баснословно богатых и обнищавших остальных граждан. Масштабы достигли таких размеров, что вывели великую страну на первое место в мире по размерам и обилию пороков. Само существование страны поставлено под угрозу. Все «деятели» получили свою черную метку, вместе с автором, который тоже продукт современной общества.

В третьей части – под названием «Человек земного рая» – изображены два друга, потомки первых инициаторов «Общества равновесия», его активные члены и авторы всего труда. Они хотели показать общество, в котором можно и надо жить Человеку, как в раю. Как это им удалось – судить Вам.

Герой советского времени

Жизнь верхов советского, послевоенного периода России опишут досконально. По косточкам разберут житие генсеков, председателей горкомов, обкомов и прочих. Раздеталируют жизни первых лиц в культуре и искусстве, в армии и космосе. А быт, работу, стремления и просто жизнь миллионов простых советских граждан, то есть истинное лицо России, во многом может быть утрачено навсегда. Уже прошло более четверти века с первых публичных антисоветских выступлений. Миг в истории. Но еще один такой миг и в живых не останется свидетелей в здравом уме и доброй памяти.

Рассказы, созданные по дневнику инженера, по его уже полузабытым воспоминаниям, помогут увидеть тот период истории России без искажения временем.

Поездка

Шла по улице женщина, уставшая, видимо издалека, с сумкой через плечо. Навстречу бежит мальчишка лет восьми, девяти.

– Стой мальчик, что случилось, как будто все взбесились, орут, не пойму я?

– Дура бабка – победа.

– Врешь пацан?

Парнишка дернул ногтем большого пальца правой руки за верхний зуб, резко провел себе по горлу и заорал.

– Сукой буду – победа.

И дальше побежал. Это был Коля Степанов.

Он прибежал домой обрадовать мать, но та уже знала.

– Мама, победа – знаешь?

– Знаю, знаю сынок, папа писал нам с тобой, что б мы приезжали к нему после победы.

Теперь будем готовиться. Хочешь поехать?

– Очень хочу, а далеко это?

– Да, очень далеко. Мы с тобой так далеко еще не ездили. Помнишь, в войну, мы ездили к бабушке с дедушкой в деревню?

– Помню, конечно. Я там еще солдатам пел, а они мне давали или кусочек сахара или печенье.

– Так вот до деревни триста пятьдесят километров от Москвы, а до папы в три раза больше.

– Это сколько километров?

– Больше одной тысячи и ехать придется долго, долго. Я расскажу тебе, как мы ездили в деревню, хочешь?

– Расскажи.

– Сейчас по случаю праздника, мы поджарим с тобой картошечки салом и пока я буду готовить, то и расскажу про деревню.

– Помнишь, как она называется?

– Не-а.

– Село Свищевка, мы зовем ее деревней, а это село. Там была церковь и она раньше работала, проходила служба, с других деревень приезжали. По праздникам было много народа, а сейчас в церкви устроили склад, но кладбище сохранилось и там покоятся мои две сестры, которые умерли еще до войны.

– А почему они умерли, мама?

– От голода сынок, тогда много народа умирало, но это было давно, теперь скоро, после победы, жизнь наладится. Ну слушай дальше. В Москве мы садимся на поезд дальнего следования Москва- Елец, после обеда, а на станцию Лев Толстой приезжаем рано, рано утром. Еще прохладно, туман стелется, и твой дед, а мой папаня, усатый, седой машет нам рукой. На привязи у жерди, закрепленной на двух столбах, привязана белая с темными пятнами небольшая лошаденка, её зовут Волнушка, запряженная в телегу. На телеге папаня набросал сена, что б не так трясло по дороге. Встал дедушка еще затемно, чтоб к рассвету доехать до станции. Не Бог весть какая даль, но десять километров, это на поезде быстро, а на лошади по ухабам, больше часа езды. Как-то дедушка ехал со станции зимой и задремал, а лошадь дошла до риги и остановилась, а возница-то спит.

– А, что такое рига?

– Это такой сарай, для сена в конце огорода. Так вот дедушка чуть совсем не замерз, хорошо увидели сельчане и привели лошадь и еле живого вытащили деда из саней.

Мой папаня уложит наши чемоданы в телегу, все усядемся на сено и поедем, где шажком, а где под горку, рысцой. Дом у дедушки из красного кирпича под железом. В сенях полочка нет и когда идет дождь, то приятно шуршит по железу, сон приманивает. Летом ты спал в сенях, ну а зимой, конечно, на печи. Помнишь, хоть что-нибудь?

– Не-а, помню, как корову в избу заводили, когда она родить собиралась, я с печки смотрел.

– Почти два года ты жил в деревне. Я как-то зимой приехала тебя навестить, повидать родителей, кой чего привезти, тебе подарок приготовила – один красный помидор, а ты спрашиваешь, что это такое? Окошки в доме у дедушки маленькие, почти над самой землей, зимой промерзали на половину. Ты сидел на лавку на колени и рисовал на стеклах, вместо деда Мороза, пока не замерзнут пальцы. Потом опять лез на печку, греться. Там и сейчас нет ни радио, ни электричества, но теперь скоро все будет.

– А как там у папы?

– Узнаем, когда приедем, наверно все есть.

– А когда поедем?

– Не очень скоро. Сначала я напишу папе письмо – получу ответ, а уж потом на поезд.

– Скорей хочу.

– Успеешь, теперь войны больше нет.

В конце первого года войны Николаю Тарасовичу Степанову, работавшему тогда на танковом заводе и считавшемся опытным рабочим, предложили на выбор. Или на фронт или с заводом в эвакуацию. Степанов выбрал второе. Оборудование погрузили в эшелон и вместе с другими рабочими Степанов эвакуировался в город Куйбышев – ныне Самара. Официально рабочий день был двенадцатичасовой, но работать приходилось всегда больше. Три месяца Степанов работал на казарменном положении. С рабочего места не уходили. Там же в цехах спали, получали паек и работали. Питание было скудное, по несколько месяцев кормили одной какой-нибудь кашей. То овсянкой, то горохом, то перловкой. Уже в Москве, через год Степанов рассказывал.

– Еду в автобусе, народу не протолкнешься, что-то попало под ногу, похоже круглое, нагнулся – картошка. Сунул в карман, не пропадать же добру.

Назначили Степанова бригадиром. Под его началом были мальчишки, не достававшие до станка и им подставляли ящики, и заключенные, которых приводили под конвоем.

– За последними надо было смотреть в оба. Чуть не доглядишь, мерзавцы, смотришь сопрут что-нибудь. К концу войны Степанова перевели в Жигули, в колхоз. Там он стал работать на электростанции монтером. Колхоз располагался внутри Самарской дуги Волги. Вот туда и собирались ехать Коля Степанов – восьмилетний мальчик со своей мамой Ксенией Васильевной Степановой.

Сборы в дальнюю дорогу затянулись почти на три месяца. Надо было накопить денег на билеты, на дорогу. Мать пыталась купить билеты в предварительной кассе, но не получалось, то некогда, то не с кем оставить сына, то поезд отменили, очередь занимать надо с вечера и торчать всю ночь у кассы, то одно, то другое. Наконец, в начале августа чемоданы были собраны, отец ждет, надо ехать. Всего все равно не предусмотреть. Бывает выбрасывают билеты перед самым отходом поезда. За несколько часов до отхода их поезда, мать с сыном отправились на вокзал. Коля сидел на двух чемоданах сразу, а мать бегала в поисках билетов. Долго стояла в различных очередях, спрашивала, упрашивала, но все без толка. Билетов не было. Подошли на перрон к составу. Коля опять остался на чемоданах, а мать пошла по проводникам и проводницам. Вернулась и говорит.

– Нашла место, идем скорей.

– Билет купила?

– Нет, договорилась с проводницей. Возьмет нас в тамбур, а если освободится место, перейдем в общий вагон. Оставалось совсем немного времени до отхода, когда Коля с мамой забрались в вагон и устроились на чемоданах у закрытой двери тамбура. Они оказались там не одни. Когда поезд тронулся, в соседях оказались еще несколько человек. Им пришлось потесниться, но в тесноте, не в обиде.

– Сидим на чемоданах сын и едем. Это уже хорошо.

В тамбуре было душно и жарко. Мужики чадили махоркой и переругивались. Но лафа продолжалась не долго. Часа через два, на первой же остановке в вагон пришли контролеры. Протискиваясь через мешки, чемоданы и безбилетников долго и зло ругали проводницу.

– Прошу всех без билетов покинуть вагон, иначе поезд дальше не пойдет.

– Оставьте женщину с ребенком. – - Просила проводница.

– Нельзя, всем на перрон.

– Оставьте чемоданы, свяжите их и оставьте, я посмотрю за ними. – Шепнула проводница матери. Она оказалась сердобольной, да и деньги взяла. Коля с матерью вышли из вагона с одной сумкой, с которой мать не расставалась. В ней были документы, кое-что из еды и немного денег. Основную сумму мама спрятала в специально сшитом для этого маленьком карманчике на нижнем белье. Ворья всякого сорта, налетчиков, карманников – - тогда было через чур много и за вещичками нужен был глаз, да глаз. Контролеры перед самым отходом ушли из поезда и проводница сказала.

– Полежай мать на крышу, вот-вот тронемся. Не бойся, на крыше ты будешь не одна. Сын у тебя я смотрю, шустрый.

Как только дали отмашку трогаться, Коля первый полез на крышу. Мать от него не отставала. Да, на крыше они были не одиноки. Поезд медленно тащился по перрону, как будто специально, а со всех сторон, как тараканы из щелей на крышу полезли безбилетные пассажиры. Они бы и рады купить билеты, но их не было. Всем вместе и умирать веселее. Облепленные вагоны, обрастая по пути, ехали все быстрее. Когда станция осталась позади, гроздь безбилетников с поручней, ступенек, все перебрались на крышу.

– Чемоданы едут и мы едем. Хорошо, тепло пока. Надо на следующей станции взять из чемодана тебе свитр или кофточку.

– Свитр, а не кофточку, что я девчонка.

– Держись лучше за трубу, достану веревку, буду тебя привязывать на ночь. Ехать еще долго.

Пассажирские поезда ходили редко, медленно, пропуская вперед на каждом разъезде более важные грузы. Иногда часами стояли в тупике, ожидая прохода вагонов-телятников с военным добром. Хоть война и кончилась, но еще многомиллионная армия требовала много чего, для своего существования. С бывших фронтов выводилась тяжелая техника, конфискованное немецкое добро, раненых, оставшихся в живых лошадей и много всего другого, что производила огромная страна – все для фронта, все для победы. Теперь назад, домой. Потянулись на восток и составы с живой силой – солдатами.

Двое суток, с большим и малыми остановками, тащился состав до Куйбышева. Особенно страшно было по ночам проезжать мосты через Волгу и другие реки. Вагоны стучали на стыках рельсов, мелькали железные фермы мостов, свистел ветер сдувая с крыши. На ночь, да и днем мать привязывала Колю к трубе. Днем по свободней, а ночью коротко, обмотав веревкой и себя и сына. Достала из чемодана валенки, и не смотря на протесты натянула их на ноги сына. Они постоянно, во сне ночью сползали с него. Когда она сама спала, самому Богу было не ведомо. На небольших станциях с крыши не слезали, хотя местные контролеры и пытались стянуть оттуда пассажиров. Последние отбивались, брыкались, ругались на чем свет стоит, с нетерпением дожидаясь, когда поезд тронется. Перед самым Куйбышевым, освободилось место и мать с сыном попали-таки в вагон. В нем было жарко, пахло человеческим потом и испражнениями

и Коля постоянно воротил нос. Но бесконечное прыгание с вагона на вагон кончилось. Прижавшись к матери сын уснул и мать тоже.

– Подъезжаем, вставай болезная, кончилась ваша поездка.

На самом деле поездка не кончилась, еще предстояло добраться до Жигулей. С железнодорожного вокзала мать с сыном переехали в речной порт. На этот раз повезло, мать купила билеты в трюм, расположенный ниже ватерлинии. В четвертой категории, в трюме, было еще хуже, чем в вагоне. Битком набитый разномастным народом, кажется, насквозь пропах людским навозом, вшами и тараканами. Люди сидели и полулежали на деревянных двухэтажных полках-сиденьях, на мешках, чемоданах и корзинах. Невыносимый смрад, духота и жарыща. Коля расстегнул рубашку до пупа, закатал штаны до колен, но это мало помогало. Часа три или четыре тащился пароход, постоянно мелко подрагивая. Но всему на свете бывает конец. Вылезли из душного трюма у небольшого дебаркадера и вздохнули полной грудью. Ярко светило солнце, с реки дул небольшой ветерок, ласково унося с тела противно-пахнущую жидкость. Широченная река, полоска противоположного берега где-то далеко, далеко. Мать поспрашивала, как добраться до Жигулей. Ей подсказали.

– Идите вверх, там должен быть перевозчик, да поторопитесь, желающих будет много.

Пошли по берегу вверх по течению. Внизу у самой воды толпился народ с кошелками и мешками. Подошли и москвичи со своими чемоданами, но оказались последними. Седой перевозчик укладывал в лодку поклажу. Когда вещи были уложены, в лодку залезли их хозяйки. На берегу остались только мать и сын.

– Возьмите и нас собой, не ночевать же нам тут, я заплачу.

– Видишь и так перегруз, если потонем, твои деньги не пригодятся.

Тут вступила в разговор женщина с лодки.

– Возьми Ефремыч, что же ей с мальцом делать, тут же живой души не найдешь до следующего парохода.

– Садись молодуха, а плавать умеете?

– Я умею. – Соврал Коля – я шустрый.

Наконец, все уселись, перевозчик столкнул лодку и сел на весла. Лодка деревянная, длинная, была сильно перегружена. Вода за бортом была совсем рядом. Коля чертил ладошкой по водной глади. Ярко светило солнце, Ефремыч мерно поднимал и опускал весла и капли сверкали срываясь опять в родную стихию. Нужно было пересечь Волгу и пройти с километр вверх по течению. Коля радовался хорошей погоде, свежему пропитанному чистотой ветерку, скрипу уключин на лодке и тому, что их взяли и скоро они будут у папы.

Лодка была уже на середине реки, когда впереди показался дым. Навстречу приближался большой пароход.

– Ефремыч, впереди пароход.

Перевозчик обернулся, увидел приближающийся пароход и энергичнее заработал веслами. Он греб обратно к берегу, с которого только что отплыли. Пароход шел по течению и быстро приближался. Когда он поровнялся с лодкой, Ефремыч развернул лодку высоким носом к набегавшей волне. Все ясно видели. На лодку идет вал воды, поднятой пароходом. Несколько женщин вскрикнули. Мать вцепилась сынку в руку и тоже оцепенела. Волна накатила на нос и прошла вдоль бортов. Лодка мягко качнулась назад и вперед. Через оба борта в лодку хлынула вода, но ее было не так уж и много.

– Вычерпывайте и не визжите, если бы накрыло как следует, все были бы уже в воде.

Минут через сорок пристали к противоположному берегу. Повеселевшие бабы с гомоном вылезали из лодки, таща за собой мешки и корзины. Перевозчик вынес чемоданы москвичей и принимая деньги перекрестился.

– В рубашке родились вы гордские. Долго жить теперь будете. Видно издалече в наши края?

– К папе из Москвы. – Выпалил Коля.

– Ну бывайте здоровы, храни вас Бог.

Лодочник вернулся к лодке, а москвичка и маленький москвич полезли на пригорок.

– Далеко до Жигулей? – Спросила мать.

– Недалече. Километров пять, не боле.

Одна женщина, у которой вещей было не много задержалась.

– Не здешние вы, городские поди?

– Из Москвы, к папе приехали.

– А кто твой папа?

– Степанов Николай Тарасович.

– Знаю я твоего папу. – И обращаясь к матери продолжала.

– Хороший у тебя муж красавица, не зря он себя берег. Здесь все мужики эвакуированные из разных городов с запада, гуляли напропалую. Завели военных жен и детей наделали. У нас бабы бедовые, не одна завлекала твоего Николая, но он никому не поддался – - правильный мужик одним словом.

Так разговаривая, дорога казалось короче. Женщина, тоже работающая в Жигулях рассказывала о жизни в поселке, а мать о Москве. Обе женщины тащили по чемодану, поочередно меняя руки, а Коля две сумки. Их связали веревкой, перекинули ему через плечо и он, не жалуясь, нес их, тоже перекладывая с плеча на плечо. Сели отдохнуть.

– Коля, как тебе нравится наша Волга?

– Очень большая, я такой еще не видел, видел Москву-реку, Оку и другие реки, но Волга – - это здорово.

Когда пришли в поселок, местная женщина показала малому Степанову, где искать папу и ушла по своим делам. Мать и отец Коли встретились, обнялись, привлекли к себе сына, довольные и счастливые. Отец жил в общежитии, а когда приехали его близкие, то все Степановы сняли небольшую комнату.

Первого сентября Коля Степанов пошел в школу. На первый урок он очень боялся идти, но потом освоился. К маленькому москвичу учительница относилась с участием. Коля осмелел и на уроках пения даже солировал – - пел песни. Все они были жалостливые и протяжные.

Вот один солдат диктует, Здравствуй милая жена, Моя рана не опасна,

Скоро дома буду я. А другой солдат диктует, Здравствуй милая жена, Глубоко я в сердце ранен, И домой не жди меня.

А еще про тюрьму и про черного ворона.

Поступив в школу Коля не знал ни одной буквы, но учился прилежно и закончил свой первый год обучения с одними пятерками.

Жизнь была трудной. Степанов ходил в школу весь в заплатках, учебники и тетради носил в зеленой сумке от противогАЗа. Не хватало самого необходимого.. Теплой одежды, обуви. Питались Степановы тем, что приносил отец. Первokлассник Коля научился считать и успевал досчитать до пяти тысяч, пока отец принесет котелок гороха. Он числился эвакуированным и ему полагался паек, который по несколько месяцев состоял из одной и той же каши. Сначала давали три-четыре месяца одну, потом столько же другую. Как то Коля услышал вечером.

Хороши на мельнице мешочки, Еще лучше с белой мукой,

Стибришь пол мешочка,

Испечешь блиночка, Сразу жизнь становится иной. Он с первого раза запоминал стихи песен. Ему тут же представилась целая тарелка, с горкой, горячих блинов и большая кружка холодного молока. Предел мечтаний.

Отец где-то достал большую катушку суровых ниток. Степановы решили сплести бредень. Волга рядом, в реке много рыбы, а это очень вкусная еда. Мать тоже пошла на работу,

а по вечерам и в редкие выходные, взрослые плели сеть. Им помогал и Коля. Сначала он часто ошибался, но потом научился и отец доверял ему, но все же ворчал.

– Здесь не затянул, тут пропустил.

С той самой зимы Коля Степанов на всю жизнь запомнил, как плетутся сети. И сам плел и других учил.

Всю зиму Степановы плели бредень и как только сошла полая вода, отправились на рыбалку. Взяли с собой два мешка, засунули один в другой, туда же бредень и топорик. Мать завернула по куску хлеба.

Километрах в трех от поселка протекала небольшая речка Уса, впадающая в Волгу. Не глубокая, почти везде по колено и по пояс, с чистой водой и быстрым течением. Взрослые Степановы брели по реке, а когда попадались глубокие места и омуты, то и в плавь. Отец часто командовал.

– Стой, я обойду вот под тот куст, там должны стоять щуки. И действительно, они чувствовали, когда в мошине начинала биться крупная рыба. Один раз отец хотел похвастаться, какую рыбку они с мамой поймали. Стоя в воде по пояс, поднял за жабры здоровенную щуку, что б показать сыну, идущему по берегу с сумкой, но щука изогнулась, ударила отца по лицу, вырвалась и была такова. Ему еще и от матери досталось. Рыбы в реке было очень много. Тихо стоя у воды, можно было видеть большие косяки плотвы, окуней, язей, лещей и всякой другой рыбы. Там же у реки, на костре пекли рыбу и ели. Домой возвращались нагруженные двумя мешками, ловили столько, сколько могли донести. Отец шутил.

– Жить стало веселее.

А мать смеясь добавляла.

– Шея стало тоньше, но зато длиннее.

Рыбу ели сами, меняли на хлеб, молоко, муку. Но вырваться на рыбалку удавалось не часто.

В гостях хорошо, а дома лучше. Засобирались домой. Отец несколько раз ездил в Куйбышев. В Москву отправляли обратно на завод некоторое оборудование и удалось договориться вернуться с этим товарным составом.

Обратная дорога показалась много короче и спокойней. Ехали в вагоне-телятнике, заставленном какими-то ящиками. Пахло конским навозом и машинным маслом, но Степановы, с комфортом, устроились на соломе и чемоданах. В вагоне, прямо у двери на потолке зияла большая дыра, не правильной формы. Отец умудрился, с помощью веревки, забрался через дыру на крышу и затащил туда сына. Счастливая мать с улыбкой снизу наблюдала, как ее мужики, сидят на крыше, свесив ноги в дыру и болтают ими.

Поздний телефонный звонок

Николай Николаевич сорокадевятилетний конструктор НИИ, последние несколько дней, пребывал в какой-то постоянной и не проходящей тревоге. Стал рассеянный и задумчивый. Проезжал лишние остановки на городском транспорте, не слышал, хотя и смотрел на собеседника, о чем тот говорил и даже один раз прошел мимо своего подъезда и всего дома. В чем причина он бы и сам объяснить не смог. Все чаще и чаще, с приближением пятидесятилетнего рубежа, он оглядывался на прожитую жизнь, анализировал поступки и повороты судьбы. По складу характера Николай Николаевич был живой, темпераментный, остро реагировал на превратности жизни, различные встречи и происшествия. С годами он становился спокойней и рассудительней, но своего темперамента одолеть не мог. Чрезвычайно сильно, неудержимо, отдавался во власть чувств, особенно в молодости, не сознавая что все пройдет и забудется. Но боль и радость никогда не проходили бесследно. Он годами помнил, в нем теплились порой туманные воспоминания и в минуты откровения с самим собой, его снова захлестывало былое как морская волна или беда. И вот в эти дождливые октябрьские дни нахлынули на него, неудержимо и безжалостно.

В пятнадцать лет он был красивый и стройный мальчишка. Выделялся среди сверстников удивительной ловкостью. Уступая многим в росте и телосложении, он легко выигрывал спортивные единоборства. Всегда был первым, в крайнем случаи вторым. На школьных соревнованиях по лыжам он был вторым, пропустив впереди себя только перворазрядника, который уже несколько лет занимался в лыжной секции. Сам имел первый спортивный разряд по гимнастике и здесь ему, равных, не было. Гимнастическая секция школы к каждому школьному вечеру выставляла группу гимнастов для концертного выступления. В этой группе всегда был Коля Степанов. Мальчишки с восторгом воспринимали детские гимнастические выступления, а девчонки неистово влюблялись в стройных красивых гимнастов. Коле Степанову присылали записки, когда играли в почту, назначали тайные встречи, на которые он не являлся, а если и приходил, то разочаровывал застенчивостью, даже робостью. Молчал или говорил невпопад, смущался, краснел и старался поскорее избавиться от подруги. Ему никто не нравился. Он предъявлял уже тогда слишком высокие требования к себе и к девчонкам тоже.

Летом после, десятого класса, Коля перед отъездом в деревню к бабушке, часто катался на велосипеде. Излюбленным маршрутом всех велосипедистов была единственная асфальтированная дорога в округе. На этой дороге он впервые и увидел Таню. Тонкая, стройная, очень смуглая, с темными, почти черными глазами, веселая и жизнерадостная. Таня овладела сердцем Степанова играючи. Как часто бывает, мы находим там где не ищем, добиваемся успеха, где не хотим, находим прелесть в отталкивающем. Коля увлекся серьезно и надолго. Он сам стал создавать образ, который хотел видеть обожать. Начал писать стихи.

- Катался я на велосипеде,
- Она стояла на крыльце,
- С своей подругой длинноногой
- И улыбалась тихо мне.

Как давно, как наивно, и как смешно это теперь. Его увлечение переросло в любовь, в безумную страсть. Он наделял Таню чертами и достоинствами, которых у нее не было, обожествлял ее и боготворил. Они встречались, ссорились. Вернее она ссорилась или просто он ей надоедал. Бессознательно, но она подтверждала нелепую жизненную несправедливость – кто любит, тот не любим. Зимой они ходили на каток весной за первыми цветами. Но Таня видимо совсем потеряла интерес к Степанову.

В девятнадцать лет Степанова провожали в армию. Он пригласил на прощальный вечер Таню и ее брата. Брат пришел, а она не пришла. Так и уехал Николай Степанов на три года

с обидой и жалостью к себе с огромной безответной любовью в сердце и все-таки с надеждой на ответное чувство. У него была даже не надежда, а уверенность не может человек – она не может не полюбить меня если я – он не произносил слова любви, это было ему мало, слишком неправильно. Она не любовь его, она жизнь, воздух, дыхание.

Два года из трех, сначала в неделю раз, потом один раз в месяц, Степанов писал ей письма и... не получал ответов. В конце второго года службы он получил, наконец от нее письмо. Радости и счастья не было предела. Несколько дней он не вскрывал конверта, ни на минуту, не забывая о ней. В письме Татьяна писала, я неудачно вышла замуж, муж негодяй и мы разошлись. Николай в ответ написал длиннущее письмо. Каждая строчка дышала любовью... А как же те десятки писем, как могла она не отвечать. Спустя несколько дней закралась к нему обида. Но он писал честно и сам устыдился своих обид. На его страстное признание скоро пришло новое письмо и фотография. Он снова теперь уже ответил, но сколько ни ждал ответного письма не было. Он опять написал – ответа нет. Николай стал ждать демобилизации. Через год Николай Степанов в солдатской форме не заходя домой направился к ней. Тани дома не было и Николай долго беседовал с ее мамой. Наконец пришла она. Молодая красивая женщина со сложившейся фигурой высокой грудью с чистым загорелым и лучистыми глазами. В ней есть что-то татарское. – Очи как яхонты нежно и страстно глядят из под черных бровей – процитировал Николай. Она увидела его и, по ее взгляду понял – он ей не нужен она уже не одна. Таня заторопилась, явно и не умело выдумав причину. Они вышли вместе из дома и простились – она с нетерпением он со стыдом обидой и полным отчаянием. Жизнь потеряла для него всякий смысл. После того как она ушла он долго стоял ни о чем не думая уставившись в одну точку. Наконец он опомнился, очнулся, стал спокойно, даже слишком спокойно, просто безразлично, думать о себе как о постороннем. Надо ли жить для чего для кого зачем. Я человек я хотел жить как человек как счастливый человек. Она отняла у меня все – нет не все. Она не дала мне счастья. Придется жить без него. Много людей живут без счастья. Я крошечная частица ничего не изменю ни в какую сторону. Надо жить. У меня есть мать отец родные друзья.

Гражданин конечная остановка конец автобус дальше не пойдет – раздался над его головой голос женщины. Николай Николаевич поднялся и вышел из автобуса. Где это я и почему так странно она сказала – конец. Он усмехнулся и огляделся по сторонам. Ну и занесло же меня. Сколько же лет прошло. Двадцать шесть и уже октябрь как тогда. Я живой здоровый у меня семья дети жена квартира машина работа – а как же Татьяна. Я много и часто думал о ней хотел увидеть, найти ее но в суете дел не нашел и не увидел. Надо заняться вплотную. Отложу все дела, их не переделаешь, найду ее, если еще жива. А почему же она не должна быть жива. Она на три месяца моложе меня, а женщины живут гораздо дольше мужчин в большинстве своем. Значит жива. Какая она кто. Интересно. Я ничего особенного и не особенного не достиг. Обычный рядовой. А если бы она стала моей женой тогда в октябре. Что бы изменилось. Не знаю, хотя мне бы было легче, веселее. А может быть, и нет. С судьбой не спорят, не переделывают. Интересно, все-таки, что стало с Татьяной. Надо ее найти. После работы Николай Николаевич обратился в справочное бюро. – Скажите, пожалуйста, можете мне найти адрес человека, если я знаю адрес человека, фамилию, имя и отчество, год, месяц, день и место рождения. – Пять копеек давайте и диктуйте данные. – И все за пять копеек. – Да. Если она фамилию изменила, то адреса не даем – Хорошо рискну за пятак. – Погуляйте полчаса.

Николай Николаевич походил минут пятнадцать. Конечно, она фамилию сменила на девяносто девять процентов. Не дадут адреса. Стоп ее брат фамилию, конечно, не менял.

Николай Николаевич снова подошел к справочному бюро. – Не готово еще. – Пожалуйста, вот вам еще пятак. Запишите еще данные и продиктовал. Через двадцать минут работница справочной поманила его. рукой. – Пожалуйста возьмите. протянула ему два листка. Николай Николаевич с волнением развернул первый бланк – брат. Умер в 1983 году прочитал

он. держа бланк далеко от глаз. Быстро же он убрался. На два года старше меня. Трясущимися руками, отставляя бланк подальше от лица, стал читать вторую бумагу. Улица дом квартира все есть. – Да я же на этой улице сотни раз бывал и проезжал. Николай Николаевич несколько раз с удовольствием и улыбкой перечитал написанное. Повторил про себя пытаясь запомнить.

Несколько дней он носил бланк в кармане, в кошельке, предварительно записав адрес в записную книжку на букву Т. – Как пойти по адресу – имею ли я на это право. Говорят, если проехать по болоту трактором, то для восстановления нормальной жизнедеятельности болота, потребуются годы. Вот и я зайду, брошу камень и могу нарушить равновесие. Бред. Нет, все-таки, надо найти телефон. Сейчас все стали с телефонами. Дома Николай Николаевич позвонил по 09 и попросил подсказать телефон, назвав адрес. Через минуту не более – он уже записывал адрес, торопясь и переспрашивая.

– Кому ты звонить собираешься – поинтересовалась жена. – Бывшей сотруднице, просили узнать телефон. Соврал Николай Николаевич. Ему стало стыдно, вдруг жена не поймет его.

– Телефон есть. Завтра услышу ее голос, а послезавтра увижу ее – Думал он. Зачем я волнуюсь. Столько лет прошло, скорее всего, она меня и вспомнит- то с трудом.

На следующий день Николай Николаевич долго бродил по окраинам города, отыскивая одинокую телефонную будку. Набрал номер и крепко прижал трубку к уху.

– Алло вас слушают. – Здравствуйте, попросите, пожалуйста, Татьяну Сергеевну.

– Я у телефона. – Здравствуйте – заикаясь еще раз сказал Николай Николаевич. – С вами говорит ваш давний знакомый. Не пытайтесь угадать, кто вам звонит вам и в голову не придет, что я могу позвонить. – Так кто же вы? – Мне не хотелось бы сейчас это говорить. Необходимо вас увидеть. Не надолго. Прошу вас, когда, где, во сколько вам удобно я подъеду к вам в любое место города. – Но я замужем. – Прекрасно я очень рад, я то же женат и двое детей. Я прошу вас встретиться со мной ненадолго на пять десять минут. Вы можете не беспокоиться. Ничего плохого я вам не скажу и не сделаю. – Нет не могу. У меня ухо болит – я только что приняла капли. – Хорошо – не сейчас, завтра, послезавтра, через неделю, когда вам будет угодно удобно. – Нет, не могу. Кто вы? – Я ваш давний знакомый, двадцать шесть лет назад мы виделись последний раз в октябре. – Так давно? – Да это было давно. Тот октябрь вошел в мою жизнь и я помнил о нем всегда, он же неудержимо заставил меня позвонить. – Скажите кто вы? – Уже с нетерпением – спрашивала она – Я Степанов. Наступила пауза. Молчал Николай Николаевич, молчала и Татьяна Сергеевна – Меня звали Коля, теперь зовут Николай Николаевич.

– А ...Разочарованно и протяжно сказала Татьяна Сергеевна. – Зачем я тебе нужна. Я замужем

– Давно?

– Года два.

– Странно – произвольно подумал Николай Николаевич, что она не знает, когда она вышла замуж и который же раз. Скорее всего она живет не оформляя законного брака.

– Нет не могу, не надо, я замужем. Она на нижней ступеньке развития после меня. Какая же она все-таки. – Таня – тихо и спокойно сказал Николай Николаевич – Хочешь ты или не хочешь, я тебя увижу. Хочу увидеть, не могу иначе и увижу. Для чего мне это нужно не знаю, но я тебя увижу и очень скоро. – Зачем, я этого не хочу, слышишь, не хочу. Они долго молчали. Ему, почему то показалось, что там у нее на телефонную трубку упала слеза. – Желаю тебе Таня всего самого хорошего. Будь счастлива, не болей. Николай Николаевич сказал это все совершенно спокойно – почти формально и стал слушать. Было тихо. Минуты две, три, Николай Николаевич слушал шум деревьев близ телефонной будки, ребячий смех, где то рядом, смотрел на отблески солнца, на верхних этажах отдаленного дома, потом тихо повесил трубку. Всю следующую ночь Николай Николаевич не спал, он всегда плохо спал, если много курил на ночь, да еще этот поздний телефонный звонок. – Что же, в самом деле, с ней

вернее с ним, с его образом-идеалом – думал и думал Николай Николаевич. От той октябрьской с яхонтовыми очами – сколько осталось. На себя надо посмотреть, что от меня осталось. Двадцать шесть лет половина сознательной жизни. Хотя бывает что с годами прелести юности тускнеют, стареют или вовсе пропадают, однако женщины приобретают новые качества, порой не хуже тех молодых. Николай Николаевич был всегда почему-то рад, если женщина в возрасте оставалась привлекательной. Но его Образу уже под пятьдесят. Привлекательной в пятьдесят – бывает довольно часто.

– Есть в возрасте любом хорошее. Женщина может оставаться очаровательной в любом возрасте, если ее жизнь не испорчена пороком, она не больна. С Татьяной что-то неладно, кажется. Не знаю, надо к ней зайти. Может ей нужна помощь. Все станет ясно – достаточно увидеть ее и что вокруг нее. Утром Николай Николаевич поехал на работу на машине, чтобы после работы не терять времени. Вечером он нашел ее дом, поднялся на этаж и постоял у двери несколько минут – убедился, что дома кто-то есть. Спустился, сел в машину и поехал на дачу к родителям. Выпросил у матери сумку и набрал ее полную яблок. Ему пришлось переложить с десятков ящиков и из каждого он брал два, три, яблока, придирчиво осматривая каждое со всех сторон. Сам срезал большую полу распущенную розу и воткнул ее в сумку между яблок. На вопросительный взгляд матери ответил. – Надо мам.

Дача была недалеко и только еще стало смеркаться, как он уже подъехал к ее дому. Остановился у подъезда. Взял сумку и пошел на верх. Поднявшись с тяжелой сумкой на пятый этаж, он остановился отдышаться немного. Какая у нее квартира – одно, двух, трехкомнатная. Чего гадать сейчас войду, если конечно, пустят.

Он позвонил.

– Кто там? Николай Николаевич промолчал, да и что он мог на это ответить. – Вам кого? – Татьяна Сергеевна здесь живет? – Здесь, зайдите. Николай Николаевич вошел. – Иди, к тебе кто-то пришел. – Бросил мужчина куда-то в пустоту и ушел на кухню. Николай Николаевич окинул взглядом квартиру. Однокомнатная малогабаритная все совмещено. Кругом набросано, вещи, обувь, миска с едой. Кошка или собака. Скорее кошка. Игрушек не видно нигде. Детей, видимо, нет, да какие же дети – внуки должны быть. Ремонта лет десять не было. В этом году уже не сделаешь – зима на носу. Вздохнув, он потянул носом и почувствовал букет противных запахов. Ему захотелось сразу же уйти. Из комнаты вышла Таня. Он узнал ее, вероятно, узнал бы и на улице, если бы столкнулся с ней лицом к лицу. Но перемены происшедшие с ней поразили его и она это заметила. Своих эмоций он скрыть не смог. – Здравствуй. – Здравствуй, зачем пришел. Перед ним стояла маленькая женщина с бледно-серым лицом с морщинами. Всем известно, что женщина дома вечером совсем не такая, как утром на работе. Голова обвязана платком, правда, у нее болело ухо. Весь облик ее казался каким-то неряшливым и грязным. Непомерно большой живот где-то сбоку жилистые голые ноги в стоптанных и тоже грязных тапочках. – Да она почти старуха. Жизнь жестокая, одинокая, Что ты сделала с Танькой белой. И вот перед ним его Образ, который он носил в сердце двадцать шесть лет, кому поверял свои тайны, с кем говорил по ночам и видел во сне. – Яблоки вам принес как обещал – еле выговорил Николай Николаевич. И, она опять поняла его. – Давай. Она вытащила розу из протянутой сумки и небрежно бросила ее на заваленный бархлам, стол у зеркала. Потом стала вынимать яблоки. – Не надо вынимать – опять едва слышно сказал Николай Николаевич. – Берите с сумкой. Она взяла. Глядя прямо ему в глаза зло и презрительно. – До свиданья и что б это было в последний раз. – Хорошо – почти шепотом ответил Николай Николаевич. – До свидания. Не успел он еще сойти с грязной тряпки у двери, как за ним с треском, захлопнулась дверь, и дважды проскрежетал закрываемый замок. Николай Николаевич вздохнул, закурил и стал медленно спускаться вниз.

Командировка

Перед самым Новым годом Николаю не повезло – начальство послало его в командировку, которая была не совсем обычной. Нужно было объехать сразу три города. И в каждом из них ему надо было согласовать несколько документов – вроде бы просто, но предприятия порой, не охотно, согласовывали, и тогда приходилось выкручиваться. Никакие доводы руководства не принимались во внимание. Тебя послали, и ты обязан привезти согласованные бумаги. В Москве и то было холодно, а в чужом городе лишней теплой одежды не найдешь, да и в гостиницах наверно холоднее чем дома в Москве. Ехать ему, конечно, не хотелось, но делать было нечего. Посылают, надо ехать. Оделся он довольно тепло и отправился на вокзал. Первый город, в который он прибыл – Горький. Этот город славится своим автозаводом. Автозавод это город в городе. Он занимает огромную площадь. По его территории курсируют рейсовые автобусы. Пройти из цеха в цех это всё равно, что пройти от Арбата до Таганки в Москве. Одно из самых крупных предприятий Советского союза. Вот в этот ящик к главному инженеру и направлялся Николай. Спокойно доехав на поезде до Горького, он довольно быстро нашел гостиницу и, оставив в номере объемистый портфель, налегке отправился на завод. В проходной завода он оформил пропуск сразу на пять дней. Он уже не в первый раз ездил в командировки и знал, что могут и не пустить на следующий день. Найдя заводоуправление, и кабинет главного инженера Николай еще раз прокрутил в голове как ему себя вести с главным. Он вошел в кабинет представился. – Семен Игнатьевич – имя и отчество он прочитал не двери кабинета – прошу согласовать применение ваших изделий в наших разработках. Главный инженер быстро пробежал глазами по бумагам и недовольно отбросил их на край стола. – Зайдите завтра, мои специалисты посмотрят. – Хорошо – Сказал Николай и, не прощаясь, вышел из кабинета. Холодный прием не обещал ничего хорошего, но Николай не унывал. Возвращаясь в гостиницу он зашел в магазин и купил четвертинку водки, пару сырков, бутылку кефира, батон хлеба да у него в портфеле еще было, что поесть, прихваченное из дома. На следующий день Николай поднялся рано. Умылся, побрился электробритвой, вскипятил в стакане воду, заварил и позавтракал, доев остатки со вчерашнего ужина. У главного инженера он оказался раньше его самого. Когда главный появился, то проходя мимо Николая про бурчал. – Вы опять здесь. – Куда же я денусь – без вашего согласования я никуда не уеду. – Не посмотрели еще ваши бумаги, приходите завтра. – У меня пропуск на неделю, без документов я не уеду – ответил Николай, и весь следующий день болтался без дела. – Надо начинать давить на главного. На завтра Николай решил добиваться подписания документов во что бы то ни стало. Когда он в третий раз вошел в приемную главного инженера, секретарша сказала. – Вас молодой человек пускать не велено. Николай положил на стол секретарши большую шоколадку, она быстро сунула ее в стол, уронила ручку и полезла под стол, а Николай прошел сразу в кабинет и заговорил. – Семен Игнатьевич я не могу уехать без согласования, к тому же есть решение министерства и вам все равно придется подписать, рано или поздно. Главный оторвавшись от бумаг, нажал кнопку пульта. Вошла секретарша. – Принеси Света пожалуйста воды, а то от этого заезжего московского гостя у меня разболелась голова. Приняв таблетку и запив ее водой, он взял документы Николая и подписал. – Свободен. Три дня на один город это много, но дело сделано, а это главное. Следующим городом, в который нужно было ехать Николаю, это Онеча. Небольшой районный городок в Чувашии. На перекладных, где автобусом, где на попутке, ко второй половине дня он добрался до Онечи. Скорее большая деревня, чем город. Если автозавод в Горьком, это город в городе, то Онеча, вся деревня в заводе. Чистокровный, градообразующий городишко. Да и городом он наверно стал называться только потому, что там построили радиозавод. Несколько пятиэтажных домов, собранные в кучку, да десяток сараев вокруг. Вот и весь радиозавод. Все население Онечи работало на этом заводе.

Причем почти одни женщины. Мужчин почти совсем не было. Мальчишки перед армией да старики. А пополнялись трудовые ресурсы за счет командировочных – в этом Николай удостоверился в первый же день. Гостиницу, деревянное двухэтажное здание, нашел сразу и устроился быстро. Она и была построена для командировочных. На втором этаже, в холле, четверо командировочных играли в карты. Николай подошел к ним и стал смотреть. Стало смеркаться. Картежники бросили игру и стали собираться. Один из них обратился к Николаю. – Ты собирайся тоже, вся гостиница идет – Куда идет? – Ты что первый день сегодня? – Да, только что приехал. – В пять часов кончается смена на заводе и прекрасный пол потечет рекой из проходной завода. – И что их там надо нам ловить. – Они сами тебя поймают. – Интересно – когда пойдем? – Прямо сейчас, соберемся и пойдем. Где то через полчаса, вся гостиница, одни мужики тронулись к заводской проходной. Шли, посмеивались, отпускали скабрзные шутки. У проходной завода командировочные выстроились по обе стороны тротуара и образовали две шеренги – лицом друг к другу. Ровно в пять часов из проходной стали выходить женщины. Шли не торопясь, приглядываясь к командировочным. Сначала одна потянула мужчину из ряда за пуговицу за собой. Потом другая, и шеренги командировочных стали редеть. Не дожидаясь конца процедуры Николай потихонечку покинул помост благо уже стало достаточно темно Его никто не остановил и не окликнул Вечером в полупустой гостинице Николай нашел себе партнера по шахматам. Перед игрой они с ним выпили и до одиннадцати сражались. Потом он пошел спать. Номер у него был двухместный и под утро его сосед совсем еще молодой парень появился совсем пьяный в какой-то чужой не первой свежести дубленке Позже женщина с которой он проводил ночь уже вечером приходила за ней. Утром Николай с соседом вскипятили чай, попили и отправились на завод. Радиозавод выпускал установочные изделия для радио и электроаппаратуры. В проходной у турникетов околачивались толкачи. Так называли командировочных, которые толкали поставщиков, выколачивали необходимые комплектующие. У Николая была другая задача, ему нужно было получить добро на применение их комплектующих в разработках института, в котором работал Николай. Ему требовалась только подпись на бумагах лежащих в портфеле. Нужно прорваться в кабинет, но пропуска на территорию не оформляли. Тогда он попросил одного толкача отвлечь вахтершу, потому что поводов для этого было предостаточно. Толкач устроил маленький скандалчик. И пока они ругались, Николай проскочил через турникет, благо он вращался в обе стороны. Вахтерша увидела, но было уже поздно, он уже успел выскочить из проходной во внутренний двор завода. Вахтерша преследовать не стала. Николай нашел заводоуправление, спросил, где находится кабинет главного инженера. Кабинет был не такой как на автозаводе, поменьше и беднее, но секретарь сидела на своем месте. Он положил ей на стол шоколадку и прошел в кабинет. Главный инженер был не один. Николай быстро подошел к столу и положил бумаги на стол. Толи инженер был в хорошем настроении, то ли просто хороший человек, но подписал, почти не глядя. Николай очень обрадовался, поблагодарил и вышел из кабинета. В этот раз ему здорово повезло и он решил ехать в последний пункт всей поездки, в этот же день. Да разные бывают командировки – трудные и не очень, приятные и отвратительные. Когда он ездил в командировку в западную Украину, то сначала его приняли с большим уважением. Еще бы, ведь он был членом межведомственной комиссии по присвоению тамошней продукции знака качества. Завод в Черновцах выставлял на знак качества зонтик-автомат. Встретили в проходной, оформили пропуск, повели в столовую. Накормили на убой и наобещали сто верст до небес и все лесом. В комиссии было пять человек. Всем обещали по зонтику, потом поездку в Карпаты, коньяк и шашлыки. Все члены комиссии подписались, подтвердили что зонтик лучше японского, хотя это было и не так. Оформили командировочные предписания, отметили убытие аж на два дня позже. На следующий день комиссию просто не пустили на завод. А что можно было сделать. Ничего. Разъехались по своим городам.

В другой поездке, тоже по вопросу присвоения знака качества, в городе Миасс на южном Урале, принимали очень приветливо. К девяти часам приходили на предприятие – в десять уходили. Что б члены комиссии не попались, главный инженер сам выносил за проходную бутылку спирта. Проводил всю комиссию на свою дачу, на берегу озера, дал удочки. Потом три дня вообще не появлялись на предприятии. Гуляли по сопкам, ходили на озеро Тургаяк, собирали красивые камни хозяйки Медной горы, а их изделие действительно было достойно знака В Онече, оказывается, был аэродром, но только для малой авиации. Николай решил в Йошкар-Олу лететь. Он купил билет на следующий день. К вечеру сильно похолодало. Пока добрался до гостиницы, совсем замерз Маленький одномоторный самолет – воздушный автобус регулярно летал от городка к городку, делая посадки в некоторых населенных пунктах. Самолет вмещал двенадцать пассажиров. Иногда летчик брал четырнадцать человек, но никогда не брал тринадцать. На одной из остановок к самолету поспешил дородный, полный мужчина, видимо он был с деньгами, потому что предлагал заплатить за тринадцатого и четырнадцатого пассажира, но летчик был, не умолим. Так и улетел, не посадив толстяка. Николай осмотрелся – в салоне было довольно грязно, на стенах висели какие то вещи, провода, ведро, которое при взлете соскочило с крючка и загромыхало по полу, но летчик даже не обратил на это внимание. Напротив Николая сидели четверо мужчин и две женщины. Он на своей скамейке сидел с края и пятерых слева не мог рассмотреть – было неудобно откровенно рассматривать.. Было очень холодно. Летчик еще молодой человек в ватных брюках и унтах, в довольно длинной меховой куртке и ушанке, с опущенными ушами, как будто не замечал холода. А вот напротив пожилой пассажир видимо сильно мерз. Втянув голову в плечи и съжившись, он трясся едва заметной дрожью. – И почему он не опустит уши ушанки – думал Николай, глядя на пунцовые мочки и виски пассажира. Потихонечку шаря рукой под лавкой и по стене, Николай наткнулся на что-то теплое. Он пошарил внимательней, труба, теплая труба. Повернувшись к пассажирам по давке спиной, Николай снял ботинки и засунул обе ноги между бортом и теплой трубой. Теперь жить можно – ноги морозить нельзя, еще пригодятся. Пожилой начал постукивать нога об ногу, и когда тот положил одну ногу на другую, Николай увидел, что у мужчины голые ноги без подштанников. Николая невольно передернуло, и он подумал. – Не уступить ли ему место у трубы. Согрешившись, он задремал. Начал вспоминать, про своих, про жену, про детей. Когда же у него с женой начался разлад. Все как- то постепенно, незаметно откладывалось и накапливалось. И вот теперь его, порой нечаянный, нехороший поступок, раздражал жену, она вспоминала все прежние обиды и мирная жизнь кончалась, а возвращение к мирным отношениям проходило трудно, болезненно. Николай мучился, его огорчало и обижало нежелание жены спать вместе, ее какой-то страх. Когда он разбирал постель на двоих, она искала повода не ложиться, провоцировала его на ссору. Ссылаясь на головную боль, на все возможные и невозможные доводы. Он чувствовал ее нежелание и уходил спать в другую комнату. – В конце концов, он мужчина и ему нужна женщина – говорил он себе, но с женой молчал. Он не хотел близости без взаимности, как выполнения супружеской обязанности. Если такая близость и случалась – она не приносила удовлетворения, и даже наоборот, он долго не мог уснуть, ворочался, обвинял жену себя и весь мир. Утром просыпался все с тем же настроением. А встречать утро в плохом настроении он очень не любил. Позже, отвлекаясь за дневными заботами, за работой Николай отходил от мрачных мыслей, но наступал вечер, и все повторялось сначала. Он искал выход и не находил. Уехать что ли, куда-нибудь, на месяц-два или два, может быть разлука затушует обиды, заставит соскучиться, вернет к былым чувствам – не знаю, не верю. Николай несколько раз уезжал из дома на две, три недели и после возвращения они жили с женой несколько дней в дружбе и даже любви, но очень скоро все вставало на свои места. И вот он снова отбыл из дома на восемь, десять дней. Что это даст. Самолет приземлился на летном поле вблизи Йошкар-Олы. Здесь Николаю предстояла последняя операция согласования. Он вышел из самолета одним из последних. Резкий порывистый

ветер хлестал по лицу колючим сухим снегом. Мела поземка. Снег туманом перекатывался при порывах ветра через ребристый наст с каким-то холодным завыванием. Было просто жутко. – Градусов тридцать ниже нуля – решил Николай. Впереди него семенял седоватый. Он наверно отморозил себе ноги. Николая тоже стало трясти от холода. Он поднял воротник пальто, втянул голову в плечи, нахлобучил пониже шапку и торопливо пошел, почти побежал, к видневшейся впереди сторожке. В сторожку втиснулись все пассажиры разом с клубами морозного воздуха, запыленные снегом с красными руками и лицами. Отдышавшись и обогрившись в сторожке, Николай укутался плотнее в пальто, засунул руки глубже в карманы, стараясь подольше сохранить тепло, и вышел на улицу. Ровной размашистой походкой он направился в сторону города. До города было два три километра и по такому морозу, который подгонял, щипал за щеки, Николай быстро добрался до города. Он решил сразу же отправиться по делам, не теряя времени на еду и устройство на ночлег. Была вторая половина дня, время не очень удачное для деловых встреч, но выбирать не приходилось – чем скорее я справлюсь с работой, тем лучше. Ему опять повезло – заместитель главного инженера оказался на месте, да и в кабинете он находился один. В течении получаса они беседовали – подошли специалисты из отдела разработок, которые и завизировали привезенные Николаем документы. Потом их окончательно утвердил заместитель главного инженера. Хотя у Николая и были убедительные аргументы, ему все-таки в этот раз положительно везло. – В приемной вам подскажут, как добраться до нашей гостиницы – дружелюбно сказал зам главного. В приемной, на радостях, Николай подарил молоденькой секретарше шоколадку и она подробно рассказала, как добраться до гостиницы. Одновременно он оформил у не свое командировочное предписание. Секретарша, видимо и раньше имевшая дело с командировочными или шоколадка сыграла свою роль, но командировочная была оформлена на два дня позже, чем положено. Секретарша улыбнулась, а Николай ликовал в душе. Пару дней можно будет посидеть дома, правда придется съездить на вокзал и купить у приезжающего из Йошкар-Олы билет. Николай быстро нашел гостиницу, старую бревенчатую двухэтажную избу. Снял номер на одну ночь, оплатил, получил, белье бросил его на указанную кровать и заторопился за билетом в обратный путь – домой. На свободе хорошо, но дома лучше. Он решил – сразу потерплю – кулю билет в Москву, а потом пообедаю и поужинаю одновременно. На железнодорожном вокзале на Москву было два поезда. Один утром, второй вечером. Отстояв очередь в кассу, Николай купил билет на утренний. Только справившись со всеми делами, которые он никак не хотел откладывать, Николай почувствовал ужасный голод. Ел то он утром, да и то кое-как. Да и от холода его уже давно начало трясти, как в лихорадке. Зубы стучали как пишущая машинка и он постоянно стискивал их, чтобы не дребезжать. – Не заболеть бы чего доброго – подумал он. Николай не ел уже целый день, а уже начало смеркаться. Он зашел в продовольственный магазинчик. После Москвы ассортимент продовольствия оставлял желать лучшего, но на без рыбы и рак рыба. Ну черт с ним и с этим магазином и со всем остальным. Надо выпить что-нибудь покрепче, лучше всего спирта неразбавленного, от которого сразу по всем жилам потечет расплавленное тепло и поесть как следует мяса и много, много хлеба. Он еще раз чертыхнулся. Я заслужил сегодня – позавтракаю, пообедаю и поужинаю одновременно. Он вернулся в гостиницу, приятно ощущая в портфеле тяжесть уже початой бутылки водки – он сделал приличный глоток прямо в магазине, чтоб как-то унять дрожь во всем теле, шматка деревенского сала и целой буханки мягкого серого хлеба. Николай любил хлеб из глубинки. Он был, как правило, душистым, свежим и пах как-то особенно. Запах напоминал что-то далекое, деревенское. Хотя сам родился в Москве, но школьником лето проводил в деревне у бабушки, где много возился с лошадьми. С того времени запомнил и полюбил неповторимый, деревенский аромат. Плохо молотое зерно, отдавало запахом печи, золы и еще чем-то непонятным, но дорогим и близким. Чудился запах свежескошенного сена, конского навоза и пота лошадей. Войдя в свой номер, Николай увидел на второй койке, стоящей на другой стороне комнаты, лежит одетый, такой же, как и он, командировочный. Прикрыв

ноги одеялом, в пальто и шапке – это было забавно, сосед повернулся к Николаю. – Выпить есть чего – спросил он. – Есть – ответил Николай. – Зовут меня Виктор, приехал из Ленинграда, третий день торчу в этой дыре, замерз как собака, спился как дьявол и ни одной девочки. Разом все высказал сосед и стал подниматься. – Меня зовут Николай. Виктор поднялся с кровати, а Николай стал раздеваться. Снял пальто и хотел снять пиджак, он терпеть не мог пиджаков они, стесняли ему движения и упаковывали все тело как в панцирь, но Виктор сказал. – Не раздевайся здесь холод собачий. Я достал электрическую плитку-грелку, но она много жрет, свет горит еле-еле, а толку от нее мало. Он глубоко вздохнул, выпустил изо рта целый клубок пара и сказал. – Чуешь, только водка и спасает, а то к утру превратишься в одетую и обутую ледышку. Давай баб найдем – ты как развлечешься не желаешь? – Там видно будет – уклончиво ответил Николай. – Садись, выпьем, я еще сегодня ничего не ел. Виктор смахнул со стола прямо на пол остатки прошлого одиночного пьянства – крошки, огрызки селедки, бумажки. Помыл стаканы и достал из тумбочки кусок копченой колбасы. Николай вытащил свои продукты и початую бутылку. Сначала на вокзале, потом уже по дороге в гостиницу, он начал так дрожать, что не выдержал опять. Негнушимися, чужими пальцами он открыл бутылку и пару раз хлебнул из горла, чтоб хоть немного унять снова появившуюся дрожь. Оставшись в пиджаках и в шапках, Николай и Виктор присели к столу. Все в номере, как и во всей Йошкар-Оле, было холодным и вода и стаканы и сало и колбаса. За окном, наполовину засыпанным снегом, уже давно стемнело. Временами ветер бросал в стекла пригоршни снега и слышалось его завывание. Разлив в один прием всю бутылку в стаканы, они чокнулись и выпили. Николай свой стакан не допил, а оставил на потом, когда будет убит первый приступ голода и можно будет добавить, что б снова вызвать прежний звериный аппетит, и есть, есть, есть. Заглатывая большие куски, с каждой минутой чувствуя наполнение организма силой и жизнью. Минут десять Николай уминал колбасу и сало с хлебом. Виктор едва закусил и ждал когда насытится Николай, сам он взбодрился от водки, готовый на подвиги. – Послушай Николай – давай соберем компанию и кутнем назло холоду и этой дрянной дыре с грязной гостиницей. Найдем девочек, выпьем и так далее.. – Давай – согласился Николай. Захмелев, он стал сговорчив и добродушен. – Здесь раньше жила, – продолжал Виктор, хорошенькая б... Фаина – я здесь был в прошлом году пару дней – давай найдем ее и пригласим. Идет? – Давай – опять односложно и доверчиво ответил Николай. Они вышли из номера. В коридоре мрачном и холодном, уборщица мыла пол. Она размазывала по давно крашеным доскам, грязной тряпкой на палке, изредка опуская ее в ведро с черной водой. – Скажите пожалуйста – обратился к ней Виктор, – Фаина когда работает? Уборщица выпрямилась, лукаво и нахально одновременно оглядела мужчин и захохотала. – Месяца два назад ее выгнали за проституцию и разврат, но вы не отчаивайтесь, она работает теперь в жилищной конторе – не далеко отсюда. Из гостиницы повернете налево, пройдете один квартал, потом еще раз налево и еще один квартал и справа увидите двухэтажный кирпичный дом. Топайте – она всегда ждет вашего брата. Она опять захохотала и снова стала мазать тряпкой по полу. – Ну что пойдём – спросил Виктор. – Конечно пойдём, не найдем так развлечемся и водки купим. Одевшись, они вышли на улицу. Было уже совсем темно, хотя еще не было пяти часов. Им показалось, что на улице потеплело, ветер утих и снег медленно падал. Под редкими, одинокими фонарями снег блестел и искрился. Улицы были пустынные. – Все жители этой дыры повымерли что ли – заметил Виктор. Они медленно шли скрипя. снегом и глазели по сторонам. Прошли квартал, повернули, прошли еще и увидели справа кирпичный дом, старый и облезлый, как и все дома в городе. Вошли в подъезд. – Начнем обследовать эту фирму справа налево. Николай смело открыл ближайшую дверь и отпрянул, как будто его облили водой. Он быстро захлопнул дверь и вернулся к Виктору. – Да там сидит человек сорок и все женщины, как узнать которая из них Фаина? Посоветовавшись несколько минут, они решили, подождем немного, кто-нибудь выйдет и мы попросим позвать Фаину. Ждать пришлось не долго. Вышла женщина и Виктор и Николай загородили ей дорогу. – Позо-

вите, пожалуйста, нам Фаину – сказал Виктор. Женщина прыснула и юркнула за дверь. Что она там сказала своим товаркам Виктор и Николай не слышали, но до них отчетливо донесся дружный хохот трех десятков женщин, соскучившимся по новостям. Через несколько минут открылась дверь и из нее вышла, буквально выплыла почти рыжая блондинка. Николай стал ее разглядывать, а Виктор кажется растерялся. Ростом с Николая, крупное открытое лицо, теплые влекущие глаза и яркие полные губы. Все в ней было полным. Лицо, бедра и плечи. Высокая, будто набитая грудь под водолажкой, выглядела очень эффектно. Накрашенные губы и нарумяненные, пожалуй, чересчур, щеки молодили ее. В ней было много всего, но в тоже время ничего лишнего. Из нее получилась бы, наверное, хорошая для выезда жена или хозяйка для гостей, но конечно, для этого нужно было бы еще много чего. И все-таки, что-то дешевое или вульгарное в ней проступало. – Я с ней спать не буду – подумал Николай – пусть ее ласкает Виктор. Последний, был далек от подобных рассуждений, и было видно, что облик Фаины ему понравился.

Двое мужчин и женщина стояли друг против друга и молчали. Она стояла спокойно, нисколько не заботясь о своей репутации. В дверь прошла женщина, улыбнувшись Фаине. Она нарочно, широко и медленно раскрыла и закрыла дверь, но изнутри комнаты все равно ничего не было видно.

– Вам привет из Ленинграда от Леонида – нарушил молчание Николай, хотя никакого Леонида он не знал и вряд ли тот сюда приезжал. Фаина улыбнулась

– Спасибо, ему тоже пламенный привет передайте.

– Обязательно, Фая – вступил в разговор Виктор – Давайте проведем вечер вместе – и добавил.

– И возьмите с собой подружку.

– Вот это уже не к чему – почему-то сразу опешил Николай. В его планы не входило занимать постороннюю женщину. – Впрочем, Виктор прав, зачем я соглашался сразу после выпивки. Виктор наверняка уведет Фаину или уйдет к ней, а чего доброго останется с ней в номере, а я куда же. Нет, так дело не пойдет. Надо выкручиваться, но каков Виктор, молодец, меня даже не спросил. Я не хочу. Но, что же делать? Николай хотел что-нибудь возразить на счет подружки, замешкался, и уже было поздно. Ладно выкручусь как-нибудь потом. – Понадеялся Николай на авось.

– Приходите к нам в восьмой номер часов в восемь – продолжал Виктор, знаете? – Знаю – снова улыбнулась Фаина. – Придем

– Пока до свиданья – сказали почти одновременно Виктор и Николай.

Фаина вернулась в комнату, а мужчины вышли на улицу.

– Послушай Виктор – Начал Николай – ты втянул меня в историю. Ну, посидеть выпить – это еще куда не шло, но что я буду делать с подружкой.

– Вот выпьешь и найдешь, что делать -беспечно с улыбкой отвечал Виктор. – Appetit приходит во время еды, а не придет не беда -перебьешься.

Они зашли в магазин – сбросились. Купили две бутылки водки и закуски. Говорят, вино это для женщин, – ерунда, все женщины, с которыми приходилось сталкиваться Николаю, пили только водку. На юге, например, где много вина и оно дешевое, там его пьют все и мужчины и женщины, а у нас, в средней полосе и дальше на север, пьют только водку. Традиции, беднота и климат. В Сибири, например, в сорока градусный мороз. Кто станет пить вино. Вот и решили мужчины кутить только водку.

Сумки у них не было и они распихали все по карманам. Медленно бредя, от нечего делать, они забрели еще в один магазинчик, так ради спортивного интереса и тут опять столкнулись с Фаиной. Остановились. Рядом с Фаиной оказалась еще одна женщина. Она была помоложе Фаины, стройнее, и сразу было видно что ей как-то не по себе. Увидев мужчин, смутилась. Весь ее облик, в стареньком пальто и в сапожках, как бы говорил, мне все равно, затея пустая,

не нужная, не чистая. Вот Фаина, ничего ее не гнет, ни коробит, ни колышет, живет легко и беззаботно. Ей уже давно за тридцать, перспектив никаких, а не унывает. Гуляет напропалую.

Фаина представила свою подружку. – Ее зовут Лиза. – Виктор, Николай – поочередно ответили мужчины. Ей стала совсем неловко. Николаю показалось – Сейчас она уйдет. Ему было жаль ее, он сделал ей шаг навстречу.

– Пойдемте к нам, посидим, споем, выпьем черт возьми и вы сможете уйти в любое, время когда вам захочется.. – Хорошо я пойду – с вызовом, скорее себе, чем мужчинам – ответила бедная Лиза.

– А чего мы будем ждать восьми часов, пойдемте сейчас, вы свободны? – спросил Виктор

– Пойдемте, а то Николай ел сегодня один раз и у меня скворчит в животе и выпить хочется.

Вчетвером они прошли в гостиницу. В коридоре никого не было. Ну и хорошо – решил Николай. Лиза не будет нервничать. Фаине было наплевать, а Лиза явно беспокоилась. Виктор последним вошел в номер и закрыл дверь на ключ. – Нас нет, не было и не будет.

– До завтра – добавила Фаина.

Всем стало свободней и веселее.

– Раздевайтесь, вы дома – весело предложил Виктор. Мужчины опорожнили свои карманы, женщины сумку и принялись стряпать. Включили плитку, подогрели галеты, ополоснули стаканы, тарелки, которых оказалось только две, и все уселись за стол. Виктор откупорил первую из бутылок, появившихся на столе, и разлил по четырем стаканам. Пожелали всем присутствующим здоровья, звякнули и выпили. Всем хотелось выпить поскорее. Хотелось снять, все еще присутствующую скованность, и просто расслабиться. Закусили. После второй бутылки все заметно захмелели. Раскрасневшаяся Фаина много смеялась, рассказывала непристойные анекдоты и сама хохотала над ними больше всех. Лиза улыбалась и краснела одновременно, после очередной скабрёзности Фаины. Виктора тоже повело – он не отставал от Фаины в анекдотах и шутках. Он начал пощипывать бока у Фаины. Та предложила потанцевать. Музыка не было, но это никому не мешало. Поднялись и Николай с Лизой. Она сразу доверчиво положила ему обе руки на плечи, прижалась, и они стали топтаться на месте. – Я не боюсь тебя Николай, только будь ласковей, не груби не обижай – шептала она ему.

Николай легко коснулся губами ее шеи, обещая выполнить, все, что она просит. Виктор тоже нашел общий язык с Фаиной.

– Николай, Лиза – мы пойдем, погуляем -сказал Виктор – и вернемся не скоро – добавила Фаина. Вы остаетесь одни.

Николай и Лиза промолчали, но были рады, что они уходят. Все снова уселись за стол, допили остатки последней бутылки. Николай и Лиза, не стовариваясь, только пригубили свои стаканы. Виктор и Фаина ушли.

– Николай закрой, пожалуйста, дверь и погаси свет – попросила Лиза. Он посмотрел на нее, но она отвернулась. Погасив свет, Николай присел у стола.

Лиза разделась и легла в постель. – догадался он по шуму. Миллионы мужчин и женщин – мужей и жен, изменяют друг другу, и принято считать, что это плохо. А разве соблюдать супружеский долг без любви не пошлость, не гадость. Ложиться в постель, обнимать человека, который тебе давно не нравится – разве это хорошо, честно, а ведь так происходит в большинстве семей, проживших вместе лет пятнадцать, двадцать. Николай как то услышал фразу и она ему запомнилась – зарегистрировав брак, мужчина и женщина дают обязательство, выполнять супружеские обязанности. Нелепо. Выполнять обязанность любить. Над любовью никто и ничто не властно и она, как правило, кратковременна. Она подобна сверканию молнии по сравнению с продолжительностью жизни.

Она свободна и, заключить ее в рамки подписной бумаги с печатью невозможно. Ну это уже дебри, и здесь нет речи о любви. Это другое. Николай вспомнил про жену, но не испытал

при этом ни угрызений совести не обиды, ничего. Рядом, здесь в постели лежит, желаемая женщина, открыто зовущая к себе, и он отдаст себя ей всего без остатка. Все, на что способна его душа и тело. Пусть ей и мне будет хорошо. Без колебания и стыда, став сильным, Николай разделся совсем и забрался под одеяло. Она была в тонкой рубашке и прижавшись к ней всем телом, почувствовал ее теплоту и все его тело, каждая клеточка, ощущала радость жизни, силу мужчины, непоколебимую веру во все самое невозможное, Она не противилась и потянула его на себя. Слившись воедино, они задохнулись от чувств.

Потом они лежали близко, рядом. Лиза, уткнувшись к нему в плечо, тихонько и нежно целовала его руки, грудь, шею.

– Коля, поживешь в нашем городе несколько дней – спросила она.

Николай промолчал и подтянув ее голову к себе закрыл своими губами ее рот и долго не оставлял их, прижимая ее все крепче и крепче. Снова молча и долго, они лежали, с теплотой думая, друг о друге и оба глупо улыбались.

– Я не могу Лиза остаться, как бы продолжая начатый разговор – сказал Николай. Она, уткнувшись носом ему в шею, тихо заплакала.

– Ты хороший, ласковый и сильный мужчина. Коля, неужели не сможешь остаться ненадолго, мне так хорошо с тобой. У меня два года не было мужчины. Мой муж погиб два года назад, а других здесь нет, таких как ты нет.

Она тихо говорила и говорила, а сама понимала все. – Я женат Лиза, у меня дети – отвечал Николай – И эта наша встреча одна и последняя.

Уже под утро Николай и Лиза, обнявшись, шли по темным улицам. Тихо падал снег, на дома, на землю, на них. Они остановились уже в подъезде ее дома. Было темно и пахло сыростью. Они обнялись и Лиза снова, повиснув на его шее, заплакала. Прижав Николая к себе,

она обвила его всем своим телом и втиснулась, не оставив между ним и собой ничего. Они долго ласкали друг друга, неистово, страстно и бесстыдно, позабыв все на свете. Наконец опомнившись, Николай оттолкнул ее от себя, сам поправил ее одежду, поцеловал в лоб и сказал.

– Лиза, я по всей вероятности, никогда больше здесь не буду, никогда не увижу тебя. Прощай.

Она снова, в который раз заплакала, потом впилась до боли в губы Николая, резко отстранилась и не сказав ни слова ушла в темный коридор. Николай вышел на улицу. Непроизвольно и беззвучно у него появилась слеза, сначала одна, потом другая. Мы наверное могли бы быть счастливы, какое-то время. Может год, а может два. Он шел низко опустив голову, с бессильной и жалкой злобой на себя, на жену, на Лизу, на начальника, на всех и вся. Он шел все быстрее и быстрее, потом побежал. Надо было спешить на вокзал.

Престижная профессия

Инженер проснулся от того, что его за плечо трясла жена.

– Вставай, на субботник пойдешь. – У нас никакого субботника не объявляли. – Вставай, тебе говорят. Надо идти на субботник в детский сад. Я договорилась через Татьяну. Вон под окном строится детский сад, второй этаж заканчивают, и ты будешь там работать дворником, если конечно, возьмут. Сегодня все будущие сотрудники выходят, работать на субботник. Пойдешь с Татьяной и там поговоришь с заведующей. Она знакомая Татьяны и Татьяна уже замолвила за нас словечко. До инженера, наконец-то, стал доходить смысл слов. Они давно мечтали получить какую-нибудь дополнительную работу, а тут такой случай. В детском саду обычно чисто, хотя и достаточно высокие требования к чистоте на территории. Инженеру никак не хотелось вставать, было еще рано, да и за последние месяцы он очень уставал и что самое, главное никак не мог отключиться от работы. Думал он и в транспорте, возвращаясь с работы и за ужином, если не отвлекали домочадцы разговором и даже перед сном. Частенько, проснувшись чуть раньше звонка будильника, лежал с открытыми глазами и начинал в уме продумывать бес конечные, нерешенные на работе задачи.

– Скажешь заведующей, что мы озеленим территорию, отремонтируем все недоделки, будем убираться всей семьей по утрам, вечером и в выходные дни. Что ты инженер, если не спросят, не говори, в этом чести нет, а скорее отрицательное качество.

– А сколько будут платить?

– Вот об этом сразу бы и спрашивал.

– Втрое больше, чем ты сейчас зарабатываешь. – Как это? – Очень просто. Вот сколько ты зарабатываешь инженером? – Ну если грязные, то двести двадцать, а со всеми премиальными, то и двести сорок может получиться. – Очень много по сегодняшним ценам – явно с издевкой констатировала жена. – Дворником ты будешь получать сто рублей, но... работать будешь по часу вечером и по два в выходной, и еще не будешь выкрикивать по ночам, двойная герметизация, предохранительный клапан и прочую чушь. Понял. Пересчитай заработок, свой и дворника, за час, за день или за месяц. Дворник проработает восемь десять часов и сможет купить себе простенькие полуботинки за пятьдесят рублей. Инженер задумался. – Послушай, дай пожалуйста счетную линейку, она в моем шкафу. – Обойдешься без линейки, я и так знаю. У дворника втрое больше. Да вставай же ты, наконец. Татьяна позвонит, с минуты на минуту и надо будет сразу идти. Инженер нехотя стал одеваться. – Побрейся, как следует, галстук смотри не надевай – этого не любят, на работу идешь, а не

штаны протирать.

Инженер умылся, побрился и тут раздался звонок. Звонила Татьяна. Жена взяла трубку. – Все, все, сейчас идет, выходи. – Иди – обращаясь уже к мужу, сказала она. Заведующая ждать не будет.

Жена встала на дежурство у окна, чтоб сразу увидеть Татьяну, а инженер, наскоро, обжигаясь, выпил пол стакана, чая запихнул в рот бутерброд и стал одеваться.

С Татьяной он встретился на улице. Татьяна, подруга жены, жила в доме напротив. Она не имела постоянной работы, однако не унывала и не бедствовала. То вязала на дому шапочки, то шила плащи и сумки. Одно время работала в ЖЕКе, не то техником смотрителем, не то наладчиком по лифтам и кажется, немного спекулировала.

– Здравствуй Таня.

– Здравствуй. Ну, что трудиться пойдём. – Пойдем.

– А ты, что туда устроилась или нет?

– А как же. Я там первая помощница заведующей, а вообще то, я оформлена прачкой. Но когда меня спрашивают, я отвечаю, что я заместитель заведующей. Не говорить же мне,

что я прачка. Заведующую, Людмилу Викторовну, я знаю давно, она моя подруга и она мне сразу предложила место прачки. Место не пыльное. Хочу сама стирать белье в машине, хочу в прачечную буду сдавать. Главное, чтоб у детей белье было чистое, правильно?

– Конечно, правильно.

– Сейчас заведующая сидит в прорабской – вон в том вагончике. Ты постой пока за дверь, а я с ней сама поговорю еще раз.

– Хорошо, постою.

Татьяна ушла вагончик. На улице было холодно, мела поземка и инженер, скрываясь от ветра, зашел в вагончик и прислонился к стене. Дверь в прорабской оказалась закрытой неплотно и до него стали долетать слова разговора. Хотя подслушивать и не хорошо – решил он, но ведь речь пойдет обо мне. Он осторожно приблизился

к двери и тихонько остановился. До него донеслось.

– А кем он работает?

– Да не знаю я точно – инженер вроде.

– Ох и везет же мне на этих инженеров, пять человек записала на дворников из них три инженера, а этот четвертый. Все они, как зарабатывают, так и работают. Сколько он зарабатывает?

– Не знаю.

– А как живут, стенка есть?

– Есть.

– Цветной телевизор есть?

– Нет.

– Магнитофона приличного то же, конечно, нет.

– Нет.

– Что же у них есть?

– Совсем забыла, Люсь, у них машина есть – Москвич.

– Это еще хуже. Когда у банщика, работника торговли или не пьющего таксиста машина, это понятно, а у инженера. Как же он ее купил?

– Да у него отец, насобирал за пятнадцать лет шесть тысяч рублей и купил ему машину.

– Нет, Татьяна – ты как хочешь с ним разговаривай – мне инженеры не нужны.

– Но поговори все же с ним. А вдруг он будет работать хорошо. Он вроде работающий мужик да и жалко их.

– Ладно, позови.

Когда инженер вошел, на лице Людмилы Викторовны играла приветливая улыбка.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Вы хотели устроиться к нам дворником.

– Да.

– Давайте, я запишу ваши данные.

Инженер продиктовал.

– Должна вам сказать откровенно. Вы у меня шестой на дворника – кто будет лучше работать и вести себя – она снова мило улыбнулась, того я и оформлю. Сегодня мы убираем первый этаж. Вы помогите, пожалуйста, очистить туалетные комнаты. Безобразники строители забили фекалиями все унитазы – потом займетесь окнами, заканчиваем мы работу в тринадцать тридцать. Всего доброго. Она в который раз, очень мило улыбнулась.

Инженер вышел и умышленно не прикрыв дверь, стал закуривать.

– Пусть повозится в дерьме, и обязательно, чтоб отблагодарил и сейчас, а не через три месяца, тогда само собой отблагодарит, перед оформлением. Ты ему скажи об этом или лучше его жене.

– Само собой – за кого ты меня принимаешь.

Инженер не стал больше подслушивать и пошел в строящийся корпус детского

Выходной

Инженер Соколов сорокалетний, еще крепкий мужчина с широко посаженными глазами и огромными залысинами, проснулся необычно рано. Всю ночь ему снились, какие-то кошмары и мяукала кошка. У него в квартире второй год жила черная лохматая кошка, откуда то, притащила жена для забавы детям. И вот с приближением весны, кошка стала беситься. Часто зализывала свой зад, принимала позы на полусогнутых лапах, подолгу сидела у входной двери и без конца жалобно и противно мяукала. Четыре раза за ночь инженер вставал, выгонял кошку на кухню и закрывал дверь, но через некоторое время она все-таки открывала дверь и опять лезла в постель и мяукала.

За окном еще было темно, и на противоположной от окна стене, свет уличного фонаря отпечатывал шторы. Вот кошка живое существо то же жить хочет и продолжать свой род. Жена говорила о каких-то таблетках для нее. Но пока она их купит, кошка с ума сойдет. Глаза у нее, уже стали какие-то мутные, шерсть из черной, местами стала рыжей, и вообще, весь вид у нее бал драный. Завтра или вернее сегодня, надо тоже перед сном принять снотворное, надоело, и устал я вскакивать. Хоть эти таблетки и вредны для мужчины, но теперь уже все равно. Перед работой надо отдохнуть, а то и так стали поговаривать, что старею, еще чего доброго сократят, тогда совсем по миру пойдешь. Жена тоже стала какой-то раздражительной. Вчера вечером все жаловалась, что у нее болит голова, а если она у нее заболела, то надолго. Сегодня жди неприятностей. Ее раздражительность, порой граничащая с распущенностью, очень долго не проходит, передается мне и детям и выходной может превратиться в кошмар. Надо самому быть сдержанней, не поддаваться на провокации.

Инженер повернулся несколько раз, улегся поудобней и задремал, но поспать ему не пришлось. Проснулась младшая дочь. Они спали в маленькой комнате вдвоем, он на софе, а дочка на кушетке. Вчера вечером, уже с полузакрытыми глазами, долго читал ей сказку про Гульдина, а дочка просила еще и еще, пока не уснула. – Пап прочитай про волшебника.

– Спи дочка, еще ночь, видишь темно, придет день, прочитаю – спи.

Дочка на несколько минут успокоилась. Потом встала с кровати, посидела на горшке, задвинула его под кушетку и влезла к отцу на софу.

– Все – подумал он – поспать, конечно, не придется. – Пап почитай, уже светло, ты обещал, обещал.

– Придется почитать, а то все равно будет вертеться как волчок, изомнет всего и станет прыгать, как на батуте – с любовью подумал инженер и взял книжку.

– Почитаю, только сиди тихо и не шабуршись.

Дочка улеглась ему на плечо, доверчиво как может только ребенок, прильнула к нему и затихла. Почитав с полчаса, инженер встал и сказал дочке.

– Ты полежи пока я приготовлю завтрак. Покушаешь, потом играть будешь, а мне убраться надо.

Он надвинул стоптанные домашние туфли, легкие с резинкой штаны, бросовую рубашку и пошел на кухню. Там было холодно. Все последние дни на улице стояли большие морозы, и было очень много снега. Дули холодные ветры. Эти ветра продували плохо подогнанные ставни и хотя их пытались несколько раз затыкать и заклеивать, но по утрам в самые сильные морозы на стеклах образовался лед. Топили плохо -радиаторы батареей были чуть теплые. Инженер включил две из трех конфорок газовой плиты для обогрева и полез в холодильник. Он был почти пустой. Из морозилки инженер достал небольшой кусочек грудинки и долго рассматривал большую коленную кость говядины. Мясо уже давно срезали, а кость оставили для первого. В самом углу, в полиэтиленовой обертке он нашел крошечный кусочек сала. Хватит к обеду поджарить картошки. Заглянул в шкаф – есть пакет. Снова полез в холодильник.

Чем же накормить утром детей. Ах, вот не заметил на стенке яйцо, но только одно. Заглянул в хлебницу, хлеба достаточно. Наверное, и на обед хватит. Отломил кусочек черного. Ткнул им в соль, и не торопясь сжевал, чтоб не сосало под ложечкой. По утрам он обычно ничего не ел. В лучшем случае перед работой успевал выпить стакан чая и съесть бутерброд. И до обеда ему хватало. Инженер включил чайник и вошел к жене в большую комнату. – У нас есть еще деньги – в доме почти ничего нет – спросил он.

Жена еще лежала и держала в руке книгу.

– А ты что истратил всю десятку, что взял в понедельник.

– А на что же я несколько раз приносил продукты – в тон ей, раздраженно, отвечал инженер – Сосиски, хлеб, молоко, мне что это все даром дают – и вышел из комнаты.

Денег нет. Он достал из рабочих брюк мелочь и пересчитал. Рубль сорок восемь копеек. На сегодня не хватит, да и на дорогу завтра оставить нужно. Получка послезавтра. На работе я, конечно, найду немного, а сегодня тоже есть надо. Ну ладно пойду в магазин. Он оделся, обулся, взял сумку, пакет под хлеб и вышел. Уже спускаясь в лифте, он вспомнил, дома есть три пустых бутылки. Вернулся, захватил бутылки и отправился в магазин.

Войдя в магазин, он обалдел, утром в выходной и столько народу. Понятно, это колбасный десант. С пригородов понаехали за продуктами. Им тоже не позавидуешь. Они, наверное, встали часов в пять. Инженер занял очередь и простоял минут пятнадцать.

– И чего я стою – тут проторчишь минут сорок, а в кармане всего полтора рубля.

Он вышел из очереди, сдал бутылки и хотел идти домой, но увидел за прилавком знакомое лицо. Это была соседка по дому. Инженер приятельствовал с ее мужем. Он подошел к ней. Соседка стояла за прилавком еле живая и если бы она не держалась за прилавок, то упала бы.

– Ирочка, что с тобой, на работе, с утра назавтракалась до такой степени, по какому случаю.

Растянув улыбку до ушей и склонив голову набок, она громко и на распев произнесла.

– Ленка подох. Инженер посоветовал соседке не светиться и уйти лучше домой и помянуть Леонида Ильича. Идя домой, он решил, перебьемся как-нибудь до обеда. Дома чайник пыхтел и бушевал вовсю. Жена еще лежала. Ну и пусть лежит, молчит и то хорошо. Старшая дочь вчера заболела, у нее поднялась температура, и сегодня еще безмятежно спала. Младшая тихо играла в теплом уголке у батареи, что-то весело и забавно мурлыкала. Инженер заварил чай, нарезал хлеб, настрогал мелкими кусочками сало, сварил яйцо. – Дочка, иди завтракать – позвал он. – А читать будешь? – Буду, иди поешь и почитаю.

Вдвоем с маленькой они попили чай. Дочка съела яйцо, и несколько ломтиков сала. Инженер выпил пару чашек чая и съел три куска хлеба.

– Дочка ты иди, найди книжку, посмотри картинки, а я приберусь на кухне и приду к тебе. Он долго мыл посуду, вынес помойное ведро, оттер пригоревшую плиту, поставил вариться бульон. – Как ни крути, а в магазин идти надо – чуть ли не стихами, подумал он и криво усмехнулся. Старшая встанет, а есть нечего. Он заглянул к меньшей и сказал. – Ты играй, а я быстренько сбегаю в магазин. В магазине, по-прежнему, было много народа. Инженер набрал немного овощей, купил хлеб и встал в очередь. – Николай иди сюда – услышал он и обернулся. На много впереди, стоял его сосед и хороший знакомый. Борис и его приятель были навеселе, и от них попахивало спиртным. Они купили только пиво. Поздоровались за руки. – Николай продай обратно прокладку, помнишь, я тебе продал, а у меня прогорела, ты ее еще не поставил?.

– Нет, не поставил в бардачке лежит.

– Дай рубль – обратился Борис к своему приятелю.

– Дома отдам, а то у меня нет с собой.

Инженер взял два рубля за прокладку и сказал. – Нужно идти к машине, а ключей с собой нет.

– Сейчас, отнесешь продукты ихвати ключи от машины, мы подождем.

Инженер оттащил продукты домой. Жена встала и он, не раздеваясь, попросил ее подать ключи от машины.

– Я продал прокладку от глушителя за два рубля – надо отдать.

– А если тебе понадобится.

– Ничего сейчас не нужна, лето придет там видно будет – ответил он – посмотри за бульоном.

Втроем мужчины бодро шагали по пышному снегу. Приятели весело болтали. Крепкий мороз щипал за щеки и носы. Дошли до стоянки. Инженер расчехлил машину достал из бардачка прокладку, отдал ее приятелям. Те пригласили его пройтись посмотреть место около железнодорожного полотна, где они застолбили места под будущие гаражи.

– Это несерьезно ребята, кто вам позволит без разрешения – сомневался инженер.

Однако приятели были полны оптимизма, хотя в тайне были согласны с опасениями инженера. Они часа полтора бороздили глубокий снег. Размеряли и ставили ветки, потирая при этом уши и притоптывая ногами. По пути домой, спускаясь с высокой насыпи, инженер бухнулся в снег, искупался и весь белый скатился вниз. Все весело хохотали. Инженер вернулся домой продрогший, но бодрый, переделся в домашнее и на кухню. Он любил готовить. Некоторое время ему пришлось работать в столовой, и с тех пор в шутку считал себя профессионалом, и с удовольствием занимался приготовлением пищи. Как говорил ему настоящий повар – качество пищи не зависит от качества продуктов, а зависит от любви повара к делу.. Не торопясь, пока кипело и жарилось, инженер резал и чистил, сразу же убирая отходы в помойное ведро. Начиналась вторая половина дня, борщ похлипывал в кастрюле и потрескивала жареная картошка на сковороде. Он особенно тщательно разложил все на столе, чтоб было красиво и аккуратно. Хорошо, конечно, когда много разнообразных продуктов, но когда их и мало, очень немаловажна для настроения и аппетита красота, запах пряностей, чистая белоснежная посуда. Инженер аккуратно, не экономя чистые тарелки и чашки, разложил столовые приборы строго симметрично на столе и пошел звать своих. – Идите кушать, я наливаю.

Он разлил борщ, разложил картошку, чай, ложки, вилки, остатки сала нарезал так тонко и разложил с таким минимальным перекрытием, что занял почти целое блюдо. Красиво веером уложил на отдельную тарелку хлеб.

Как важно все-таки выбрать свой путь правильно, сделать это вовремя и как можно раньше. Я опоздал навсегда. – Ни менять, ни ломать, ничего уже нельзя, скорее сам сломаешься – невесело рассуждал он про себя.

Общего обеда, однако, не получилось. Детей не дозовешься, жена тоже не может бросить тряпки. Шьет и перешивает из барахла, которое нужно просто выбросить. Инженер быстро поел, так и не дождавшись своих, помыл посуду.

Ушел в маленькую комнату и прилег.

– Хватит хандрить и слюни распускать. Надо работать, тогда будет не до хилых философий.. Работать и работать пока есть сила и энергия – он рывком поднялся и быстро набросал на клочке бумажки, что необходимо сделать. Починить двери, замки разболтались, то закрываются, то нет. Одна конфорка у плиты не работает – надо посмотреть. Зарядить аккумулятор, сделать ящики под рассаду – скоро весна, починить маленькой дочке валенки, ручки на шкафах переломались.. Часа два инженер занимался ремонтом. Разбросал по квартире инструмент, насорил опилками и дочка, бегая туда, сюда, растаскивала их по всем комнатам. Комнат-то много, три но платить за квартиру становится немоготу. Почти половина его заработка уходит на квартиру и машину. Все чаще и настойчивее, он начал подумывать о смене квартиры на более скромную и о продаже машины. Цены на бензин все выше и выше и ездить на собственной машине стало дороже, чем на такси. Но как продать, почти задаром, кому нужна сейчас старая семилетняя машина. С некоторых пор на марку машины, на которой ездил инженер

сложили афоризм. Купить, можно продать нельзя. Да что делать. Надо серьезно как-нибудь поговорить с женой. Придется видимо продать квартиру и машину. Сколько дадут. Инженер сколотил два ящика под рассаду, подтянул винты и шурупы, где было можно и опять стало делать нечего. Опять нужны деньги. Замки и ручки нужно покупать, дратвы и той нет, она видимо стоит не дорого, но и на нее нет лишних десяти копеек. Недавно в обеденный перерыв он подсчитал, что с учетом последних повышений цен, его заработная плата уменьшилась на двадцать пять процентов, а о прибавке не могло быть и речи. Шесть лет добросовестной работы пока не принесли ему никакой прибыли, хотя он был на хорошем счету как специалист. Надо быть сдержанней, даже по технике, не так рьяно отстаивать свою точку зрения. Пообедали сегодня нормально. Но ведь вечером, да где вечером, часа через три опять надо что-то есть. Первое вечером никто не будет. Избаловались. Как ни крути, завтра утром жевать что-то нужно – придется занимать. – Нина – обратился он к жене, позвони Татьяне. Ты ей оказываешь некоторые услуги, может у нее найдется немного до завтра – Позвони. – Позвоню. Когда жена и дочь усаживались поудобней к телефону, это означало на долго. Они вообще не умели по телефону говорить кратко.. Начинали перебирать новости, делиться впечатлениями и каждый разговор, в конце концов, скатывался к описанию вещей, причем они делали это надо отдать должное толково. Однажды инженер решил внимательно прослушать весь разговор и попытался понять его, определить его цель, количество и качество полезной информации, и вообще его целесообразность..Жена долго рассказывала о том, что она была в хозяйственном магазине, что видела и самое главное, что купила за сорок копеек ковшик. Инженер засекал время, когда она начала про ковшик и не ошибся. Двенадцать минут шел разговор об этом ковшике. О его форме, цвете, качестве, цене, отделке и так далее. Тогда он подумал – - вот бы использовать этот запас слов, время и энергию. Жена и дочь ревновали друг друга к телефону и с трудом переживали друг друга. Сейчас жена опять начала телефонный диалог, и инженер напомнил ей, чтоб не забыла занять денег. – Танечка, дорогая, скажи пожалуйста, у тебя деньги есть? Дай немного, до завтра. Получка у нас завтра – щебетала жена. Наступила длинная пауза, во время которой жена изредка поддакивала. Инженер не стал дожидаться конца разговора, опять ушел на кухню и присел у окна. С седьмого этажа открывалась широкая панорама. Большой замусоренный двор и прямо со двора бетонный забор, огромного продовольственного магазина. Много людей, вечно куда-то спешащих, беготня детей, скрип тормозов подъезжающих к магазину машин и какой-то монотонный, нескончаемый гул. Сколько людей и, наверное, многие живут от получки до получки, но от этого не легче. – Вот мне под пятьдесят – не весело про себя стал рассуждать инженер. И сколько себя не помню и своих родителей тоже – никогда перед получкой денег нет. Пока я здоров и бодр, другие даже говорят очень энергичен, ну а что толку. А если я завтра заболēju, или еще хуже, совсем не смогу работать, что тогда. В сберкассе ни гроша. Просто так никто не даст. Голод наступит через неделю. В кухню вошла жена. – Сейчас Татьяна пойдет в магазин, у нее есть последняя десятка. Половину она даст. Смотри в окошко, как она выйдет, так и ты одевайся побыстрее и спускайся к ней. Вместе ходите. Вдвоем и быстрее получится. Минут через пятнадцать инженер увидел Татьяну. Она смотрела на окно и махала рукой. Он помахал ей в ответ. Быстро оделся и побежал. – Купи обязательно молоко – крикнула вдогонку жена.

Вдвоем с Татьяной – тридцатипятилетней женщиной, то же вечно замотанной, трое детей не шутка, они довольно быстро, отоварились, вышли из магазина и пошли каждый к своему дому. Как она то сводит концы с концами. У нее на одну зарплату пять душ. Лифт в доме не работал и инженер медленно стал подниматься по лестнице. На третьем к нему присоединился Вася. У инженера всегда создавалось впечатление, что Вася это что то маленькое мелкое или слабое. То был сосед с пятого этажа. Маленький, узкоплечий старичок, ветеран как он сам выражался войны и труда, говорил всегда писклявым голосом и неправильно. – Сосед займи троячок, в среду возверну абсолютно. – Дядя Вася я тебя понимаю, но у меня денег нет. –

А у супружницы. – У нас с женой деньги общие. Вот видишь иду из магазина, сам занял до завтра и уже истратил, видишь сумка. Осталось только завтра на дорогу, доехать до работы. – У вас там наверху, недавно переехали новые жильцы, может лезя у них стрелнуть. – Не знаю – сходи на всякий случай. Дома инженер опорожнил сумку, разложил продукты. – Ужин готовить не буду, пусть жена стряпает. Почитать что ли что-нибудь. Он улегся на подушку, положил ноги на спинку кровати и раскрыл книгу. В прошлый выходной он начал читать ее, но так и не увлекся, осилил несколько страниц и бросил. Инженер заставил себя прочесть страницу, другую, третью. Часто бывает, что по началу книга кажется не интересной, но проходят первые вступительные главы и смотришь уже хочется узнать, а что же будет дальше. Инженер с трудом осилил еще две страницы, закрыл глаза и опустил книгу. Полежу минут десять помечтаю. Что собственно нужно человеку. Мне, например. Работа у меня хорошая, в общем не плохая, есть где подумать, можно получить удовлетворение, но все портит хлеб наш насущный. За такую зарплату работать не хочется, не хочется выкладываться для кого-то, а не для себя. Недавно его начальник, будучи в хорошем настроении, разговорился в среде инженеров. Тогда он высказал мысль, что для того чтобы жить хорошо не шикарно, а хорошо необходимо на душу иметь три тысячи в месяц. Никто ему конечно не возразил. Гусь какой. Три тысячи в месяц на одного, а ведь каждый сидящий перед ним инженер, имел всего три тысячи на троих, четверых не в месяц, а в год. Посадить бы его черта на нашу зарплату, такое бы пузо не отрастил. Инженер начал нервничать. У него случился молчаливый приступ страха, гнева и протеста. Усилием воли он подавил вспышку и уже безнадежно и безвольно решил. – Ничего не сделаешь. Судьба быть инженером. – Вот и помечтал – почти вслух произнес он. – Иди погуляй с дочкой – донесся до него голос жены с кухни. – Скоро уже спать.

Он одел дочку, показал жене, получил одобрение и отправился гулять.

Девочка быстро нашла себе подобных маленьких и весело и беззаботно занялась своими играми. Инженер не спеша вышагивал по тротуару, туда и обратно, поглядывая за дочерью. Думай не думай надо найти какое-то занятие, способное задаром восстанавливать душевные силы и спокойствие. Он уже много раз пытался найти себе занятие, которое бы отвлекло от жизненных забот. И иногда, на какое-то время, это ему удавалось. Сегодня в выходной опять была пустота, которая его просто выматывала. Остаток дня успокоения инженер так и не дождался. Уже поздно вечером он убрал на кухне посуду, оставшуюся после ужина, сам он вообще есть отказался, навел порядок, что бы утром не тратить напрасно время – утром каждая минута на учете и встал у окна. Выходной закончился. Последние одинокие прохожие торопились домой. Пора спать. Инженер не спеша разделся и лег..В квартире была тишина. Он закинул руки за голову и закрыл глаза.

– Что я сделал для поддержания здоровья за выходной, как восстановил моральные и духовные силы, нервную энергию для завтрашнего самоотверженного труда. Ах да, в перерыве между поисками еды и денег, я успел написать эту хренологию..Инженер встал в который раз вышел на кухню, принял таблетку снотворного и пошел спать.

Бочка

В пятницу Иван пришел домой навеселе. В цехе, где он работал, справляли день рождения одного из сотрудников и его пригласили. Произносились поздравительные речи, выпивали. На долю Ивана достался стакан шампанского, два раза по полстакана сухого вина и слабенькой настойки именинника. В общем щекотание горла. Иван не любил такую выпивку. Хватануть тоненький стаканчик водочки в накат, да покрыть лачком еще такой же стаканчик портвешка, вот это уже кое-что. Вчетвером, уже после работы, они сообразили еще пару пузырей, и он в прекрасном настроении заявился домой. Он не был сильно пьян, навеселе конечно – хмельной, но вполне способный что-либо делать. После такой легкой попойки его как будто распирало. В нем просыпался зверь. Он жаждал деятельности. В такие моменты он чувствовал себя всемогущим, даже талантливым, на поприще чего-нибудь организующего, уговаривающего или достающего. Про него, в такие моменты, обычно говорили. – Если Иван не достал, не уговорил, не сообразил, то любому другому уже братья бесполезно, напрасная трата времени. Жена встретила Ивана не ласково. Если она замечала, что от него попахивает, всегда начинала скандалить. Ей было не важно, сколько он выпил и на что. Она его таким терпеть не могла. Вольно или невольно, заводясь от очередной своей умной тирады, она начинала провоцировать его на ссору. И если Иван, поначалу негромко, бросал ей в ответ заткнись или еще что-нибудь обидное, раздражался очередной грандиозный скандал. Жена начинала собирать все, что ей приходило на ум, относилось это к делу или нет. Ее это не тревожило. Она орала все громче и истеричнее. И если в этот момент Иван добавлял что-нибудь ядовитое, например не рвись с цепи, подохнешь раньше времени от язвы, она задыхалась от злобы, рвалась и истерично матом оскорбляла Ивана, напуская на него все земные несчастья. Последнее слово оставалось за ней. Захлебываясь от ярости она уже просто вопила, идиот, широкоглазый поддон. Иван хлопнув дверью, выскакивал из квартиры. Быстро шагая, под аккомпанемент звучащих в ушах оскорблений и напутствий, он проходил пару кварталов, выкуривал пару сигарет и успокаивался. Минут через тридцать он снова звонил в свою квартиру. Долго не открывали. Потом жена, наконец, открыла, повернувшись к нему почти спиной, не сказав ни слова ушла в комнату и закрыла за собой дверь. Иван разделся, прошел на кухню. О том чтобы жена покормила его, теперь не могло быть и речи. Да, с тех пор как у них подобные ссоры стали не редкостью, обслуживаемый ужин после работы, стал для него исключением из правил. И в мирное то время, она обычно была чем-то занята и миролюбиво говорила. – Щи на балконе, селедка и картошка в холодильнике, мясо на плите, салат делай сам. Иван собрал себе поесть из того, что не нужно было ни разогревать ни поджаривать. Да и есть то не очень хотелось после милого разговора. Он нарезал помидоров, достал хлеба, пару сырых яиц и бутылку кефира. – Кефир – это почти что пиво – любил говорить он. Но сейчас при виде кефира поморщился... – Эх, рюмочку б сейчас, тогда и поесть можно бы с удовольствием. Он поковырялся в салате, выпил яйцо, а кефир только пригубил – холодный очень. После этого убрал все остатки от ужина, помыл посуду и свою и ту что была в раковине – ее всегда там было предостаточно, вынес помойное ведро, вымыл руки. Потом с газетой уселся на диван и начал изучать программу телевидения. В программе, как обычно, ничего хорошего не оказалось. Так всякая мура, ни хоккея, ни футбола – смотреть было нечего. Кино еще не скоро, да и неизвестно, что будет за телемуть. Иван с женой давно мечтали завести на балконе бочку. Что б она была не большой, не маленькой, деревянной, не широкой, но достаточно высокой. Иван собирался засолить в ней капусту. Он обычно заводил об этом разговор и жена всячески его одобряла и поддерживала. – Сегодня, поскольку жена теперь будет молчать, по меньшей мере, до кино, а я в самом боевом расположении духа – думал Иван – надо сходить организовать бочку. – Все иду и без бочки не вернусь. Он просунул голову в дверь комнаты, где шила нескончаемые тряпки жена. – Я

пойду, поищу бочку ты дверь не закрывай – поняла. Жена промолчала, даже не повернулась от швейной машины. – Нормальная реакция. Молчание знак согласия – про себя спокойно решил Иван. Оделся, вышел и тихонько притворил за собой входную дверь. Он расстегнул ворот рубашки почти до пупа, с удовольствием закурил и стал медленно спускаться по лестнице, размышляя. – Прежде, чем куда то кидаться, надо принять решение, составить план, ну а импровизация на месте. Где могут быть бочки? Так, не торопись. Стройка, магазин, хоздворы детских домов, помойки, свалки металлолома. Неразумные дети могут деревянную бочку из-за железных обручей притащить. Вероятность небольшая, но проверить надо. Далее – автостоянки, прием утиля, макулатуры, что еще – да подвалы в ЖЭКе или как их там сейчас – ДЭЗы. Ну пока все. На сегодня хватит. Будем обследовать справа налево. Начнем со стройки. Там можно достать все, что угодно, инструмент, рамы, унитаз, замки любые, фанировку, оргалит, краску, могут быть и бочки. Недалеко от нас идет стройка и там, кажется, работают во вторую смену. Пойду туда. – Иван, не торопясь, со скучающим видом, обошел строящийся дом, огороженную площадку, зорко присматриваясь ко всему полезному, что плохо лежит. Порядок стали наводить, халтурщики, почти ничего стоящего. Вот раньше было раздолье. Ну, хотя бы шесть лет назад, когда с женой получали квартиру. Правда и стройка была грандиозная. Жили, считай на строительной площадке. Доски, какие хочешь и сколько хочешь. Под окном, в десяти метрах от подъезда, контейнер с рубероидом. Стопки щитов ДСП, огромные два на два метра, чистые, новые – бери не хочу. Двери всякие – туалетные, от ванн, входные и стеклянные от комнат. Тумбочки под раковины – всего вдоволь. Тогда Иван смастерил себе в прихожей шикарный шкаф и книжные полки на шестьсот книг. Со шкафом, правда, получилась накладка. Иван долго, несколько месяцев, никакие мог начать не мог начать сколачивать шкаф и тогда жена, потеряв терпение, договорилась с одним строителем за семьдесят пять рублей, что тот сделает в прихожей стенной шкаф с антресолями и дверями на рояльных петлях. Иван пришел домой с работы, а жена ему говорит, что нашла строителя и тот сделает шкаф. Ивану жалко было семьдесят пять рублей, но он не стал перечить, если уже договорилась. Строитель, по началу, очень добросовестно начал делать. В три дня перетащил со стройки все необходимые материалы. Доски ДСП, петли, пленку для оклейки дверей и полок, клей, оргалит, скобочки, шурупы, уголки. Рейки – все до последнего гвоздика – примерно на полтора, два шкафа. Кроме этого полный комплект инструмента – молоток, ножовки по металлу и дереву, отвертки, стамески, плоскогубцы, кусачки – полный деревянный ящик с ручкой. Все это было сложено в углу прихожей, и строитель затребовал аванс – двадцать пять рублей. Жена выдала. Через пару дней строитель опять появился, постучал несколько минут по доске, посетовал на жизнь, здоровье и попросил еще пять рублей. Жена опять выдала. На следующий день строитель пришел в квартиру в начале одиннадцатого. Опять немного постучал, поохал и опять попросил у жены пять рублей. Оставался последний четвертной, и жена никак не хотела его отдавать. Но, увидев деньги, строитель начал клятвенно уверять, что через пять минут он принесет двадцать рублей обратно. Он искренне и очень убедительно просил его поверить. И жена ему поверила, И больше ей не суждено было увидеть этого строителя. Он не появился ни на следующий день, ни через неделю ни через две. Он пропал насовсем. – Иван сходи за этим строителем – попросила тогда жена – он работает вон в том доме. – Ты договорилась, ты и иди – отрезал Иван. Однако пошел искать этого мерзавца. Деньги взял почти все, а ничего не сделал. Ивану повезло – он случайно встретил строителя и узнал, так как видел его один раз. Строитель, увидев Заказчика, хотел улизнуть, но Иван загородил ему дорогу. Строитель нес на плече великолепную электрическую дрель. Цвета морской волны, в пластмассовом безопасном корпусе с длинным проводом, мощная и мало оборотистая. Иван оценил это все в один миг. – Послушай командир – начал Иван – на пятерку, давай дрель, и мы с тобой в расчете, друг друга не видели и никогда не знали. Строитель передал дрель, а Иван сунул ему пятерку в грязный верхний карман и они

разошлись. На этом эпопея со строителем и шкафом закончилась. Теперь Иван седьмой год с благодарностью вспоминает честного строителя и благородного человека.

Иван еще раз обошел стройку, покопался в огромной куче всякого хлама, однако ничего стоящего не нашел. – Навели, все-таки, порядок – ничего нет.

Здесь за бочку придется платить – подумал Иван. Он проверил кошелек – трояк есть, годится, больше не нужно. Он поговорил с одним строителем, с другим – предлагали оргалит, а бочек не было. Иван не унывал. Он зашел с другой стороны и встретил еще одного строителя. Этот строитель, как-то странно смотрел на Ивана, пока он объяснял, что ему нужно. Строитель этот, не то мастер, не то прораб не знал, что ответить Ивану – возмутиться или позвать милицию. Но вокруг никого не было. Иван стоял перед ним спокойно. – В магазине такие вещи надо покупать – сурово осуждающе изрек он. Иван не стал дальше уговаривать и спорить. – Этот идейный, дожил до седых волос, а дурак – решил Иван и потопал со стройки.

Надо идти в универсам. Там на заднем дворе обычно много всякой всячины набросано..Ящики всевозможные, тележки, доски..Из ящиков можно наломать великолепные дощечки, чистые, почти струганные. Под рассаду виноградные ящики идут целиком без перегородки, и с момента посадки до всходов их можно смело ставить один на другой. Экономия места на пару недель. Деловой походкой, не таясь, такое поведение менее подозрительно, Иван пересек весь хоздвор. Он придумал себе алиби, так на всякий случай.

– Нужна небольшая, короткая дощечка – дырку на балконе загородить. И хотя он шел быстро, но зорко посматривал по сторонам. Было уже совсем темно, но от его взгляда не ускользало ничего. И вдруг, о удача. Около двери железного сарая стояли две бочки, по размерам именно то, что он искал. С бьющимся сердцем Иван прошел мимо, будто они его не интересуют. Перейдя двор и остановившись у ворот, Иван сделал вид что оправляется. Посмотрел налево, направо, во все стороны. Кругом ни души. Еще раз, обойдя здание универсама, он не увидел ничего подозрительного. Одинокое прохожие скорее боялись его, чем он их. Быстро войдя во двор, не таясь, он прямо направился к бочкам. Несколько секунд на изучение. Внутри светлые, пустые, провел рукой по обручам и поднес руки к глазам. Ржавые обручи – не беда, это снаружи. Оглядевшись, еще раз он подхватил бочку за открытый конец и за дно прижал бочку к животу. Она оказалась очень легкой. Пойдет. Без приключений, никого не встретив, Иван мигом, одним духом донес бочку до подъезда. Вызвал лифт, поднялся и внес бочку в квартиру – закрыл дверь. Фу... ес.

Иван поставил бочку на грязную циновку, не торопясь разделся. Надел старые треники, бросовую рубашку, засучил рукава и вернулся к бочке. Сначала оттащил ее в ванную и начал мыть. Он обильно намылил жесткую капроновую мочалку, сделанную из крупной стружки. Однажды он попробовал потереться этой мочалкой во время мытья. Она оказалась настолько жесткой, что он чуть не снял себе кожу с плеч и с тех пор эту мочалку использовали для мытья ванн, раковин, кафеля. Иван с ожесточением натирал мочалкой бочку Сначала вдоль волокон потом поперек, снизу до верха и в обратном порядке. Эти операции он повторил несколько раз. Положение вниз головой было утомительно. Он вспотел, пот обильно тек по лбу, заползал в глаза. Кино уже кончилось, жена с детьми легли спать, а Иван все еще возился с бочкой. Наконец, окатив еще раз из шланга, он оттащил ее на балкон. Сам умылся холодной водой и стал шарить на кухне в поисках съестного. Он любил эти почти ночные часы, когда все спят. В это время на него некому ругаться, его никто никуда не пошлет, не заставит что-либо делать. Все вечера он обычно занимался тем, что кому-нибудь, что-нибудь подавал, приносил, убирал, и кончался вечер тем, что он разбирал кровать маленькой дочке и себе с женой и, если сам не укладывал дочку спать, то после всего этого, когда по телевизору высветится плакат – выключите телевизор – становился хозяином самому себе. И эти час или полтора, пока его самого не валил сон, занимался чем-нибудь для себя. И вот сегодня, устав возиться с бочкой, Иван захотел есть. Захотел нестерпимо, жадно, ненасытно. Хмель в душной парной

ванне из него почти вышел, и вот войдя в холодную по сравнению с ванной кухню, ему стало холодно. Он лихорадочно стал искать, чтобы поест. Его начал бить озноб, руки дрожали. – Сейчас бы рюмочку, с безнадежностью в который раз подумал Иван. Он достал хлеба, помидор, отломил трясущимися пальцами кусок мяса, который нашел в холодильнике, и начал жадно, откусывая большие куски и наспех прожевывая, глотать хлеб, мясо, помидор и опять, снова и снова. Минут через пять он перестал дрожать, набросил на плечи куртку и уже не торопясь, планомерно и размеренно стал поглощать выложенные продукты. Насытившись и согревшись, Иван захотел покурить. На кухне нельзя, у жены нюх как у дикой таежной кошки, не дай бог проснется – полчаса не меньше орать будет. Он вышел на балкон, закрыл за собой дверь, облокотился на перила. Глубоко и с удовольствием стал вдыхать табачный дым. Докурив, Иван щелчком далеко швырнул окурочек и почему-то почувствовал, или ему показалось, запах селедки. Он огляделся, потянул носом. Точно – пахнет селедкой. Соседи что ли едят селедку ночью. Он снова стал принюхиваться. Он сунул нос в бочку и сильно потянул в себя. Бочка пахла селедкой. Спяну, да в азарте мытья в душевой ванне, Иван как будто не замечал этого запаха, хотя ему порой чудилась селедка. Ладно, решил он, пусть постоит до завтра, я ее ототру чем-нибудь. На следующий день, придя с работы, Иван, показавшись жене, не раздеваясь побежал к соседу. Это был презанятный сосед. И хотя Иван и недолюбливал его за самоуверенность и непогрешимость, но частенько обращался к нему за помощью или советом. Николай Николаев, он же Колька-Николка, со всеми неполными семью классами, считал себя очень много знающим и все умеющим. Ему было сорок лет. Высокий и крупный, он глядел на всех и вся свысока и не говорил, а прямо-таки изрекал. Иван за это его и недолюбливал, а жена так просто терпеть его не могла. Колька-Николка возился около машины. Четыре года назад, он за тысячу рублей купил допотопную малолитражку и, когда ее приволокли на буксире к дому, все мужики посмеивались, и никто не верил, что когда-нибудь эта колымага поедет. Однако Николка разобрал ее всю до винтика, а потом собрал и поехал. Правда, она громко тарактела и гремела. На это ему потребовалось два года. Через день он ее опять разобрал, потом собрал. Из четырех лет, он, наверное, пролежал полгода под ней и столько же в ней, наездив две тысячи километров. Машину он знал наизусть – по крайней мере, он так говорил – и не только свою но и все отечественные грузовые и легковые.. – Здорово Николай – приветствовал его Иван. Николка, наполовину всунутый в переднюю дверь, попятился как рак, выполз из кабины и выпрямился. Иван опять, в который раз удивился. – И как он там помещается. На белобрысую голову Николки была нахлобучена, танкистская шапка времен второй мировой войны, с ватными ребрами. Как она могла сохраниться, можно было только диву даваться – столько лет прошло, а шапка все живет. Николка в придачу ко всем своим достоинствам, был заядлый старьевщик и барахольщик. Он знал свалки чуть ли не всего города и тащил с них в дом, все что нужно и не нужно. Однажды он затащил с собой Ивана и они копались вместе. Тогда Николка подобрал себе четыре диска для колес, три тяги передней подвески и еще чего-то очень много. Ему бы еще пару таких машин, какая уже есть, он бы и ее обеспечил запасными частями. Однако все его находки представляли собой печальное зрелище. Ржавые с дырками, гнутые – в общем то, что люди выбросили. Все запчасти Николки валялись в квартире. Он рассовал их по углам и антресолям, на шкафах под столами под кроватями и даже подвесил к потолку на балконе. Он один мог разобраться в этом складе хлама, если был трезвый, но зато мог достать все что спросишь – от антикварной ржавой крестовины машины тридцатых годов, до тракторного плафона от К- 700. Сегодня Николка был трезвый, хотя ему явно хотелось выпить, и на Ивана смотрел как на объект, с которого можно вытянуть на выпивку... – Здорово Иван – свысока отвечал Николка. – Коль, у меня есть бочка, достал по случаю, но она из под селедки, посоветуй чем отмыть. – Бери ноги в руки и дуй в галантерею. Там сейчас есть стиральный порошок Мильвок, лучший из наших порошков. Им отмоешь все на свете. Во – смотри – Николка показал черные до локтей прегрязнющие руки, с узловатыми суставами.

Мильвок берет с кожей. Селедка для него пустяк. Они закурили, но на Ивана уже напал зуд. Он, не докурив, бросил полсигареты и помчался в галантерею.

Уж если он что-нибудь задумал, так не мог успокоиться, пока не сделает, или пока не убедится, что сделать нельзя. В такие моменты он почти не ел, не пил, терпел по нужде до предела, потом опрометью бросался в туалет, и при этом работал без отдыха и если работал не один то мучил и других. Иван купил пару пачек порошка и торопливо возвращался домой. Чтобы не терять времени он даже решил не переодеваться. Скинув ботинки, он босиком направился к бочке. – Переоденься дурак – прокричала жена. Не торопясь, но с ослиным упорством Иван переоделся и направился к бочке. Понюхал – Она здорово пахла. Ну ничего – у него даже и тени сомнения не появилось в том, что он этот запах уничтожит. Он втащил бочку в ванную. Обильно насыпал порошка и слегка смочил горячей водой. Затем взял железную мочалку, много, много мелкой спутанной проволоки, и начал тереть. Он наметил небольшой сучок близ дна, и решил тереть от него вправо по кругу, постепенно поднимаясь кверху. Вокруг этого сучка он тер минуты три, с силой упираясь в мочалку ладонью, то одной, то другой. На ладонях появились красные проволочные отпечатки. Иван всунул голову до дна, отчего его зад оказался высоко приподнят, а одна нога повисла в воздухе, с трудом дотянулся до сучка и понюхал. Толи он уже притерпелся к запаху селедки, то ли правда сучок отмылся, но ему показалось. Что пахнет всего чуть чуть, едва заметно. Он продолжал с остервенением тереть бочку. Сначала тер небольшие островки поверхности, когда силы иссякали, он выпрямлялся, глубоко и медленно несколько раз вдыхал и выдыхал и снова нырял в бочку. Он обливался потом. Часа через полтора он применил другую систему мойки. Стал тереть сверху до дна, по волокнам.. Еще через час, окончательно замотанный, Иван ополоснул бочку – сначала горячей водой потом холодной и позвал жену. – Мать понюхай, чем пахнет. Жена культурно помахала над бочкой рукой, направляя поток воздуха к своему носу. – Пахнет селедкой, кажется атлантической. – Иди – - сказал Иван. Оставшись один на один с бочкой, он пнул ее ногой, присел на край ванны и задумался. Мыло не берет, порошок не берет, что еще. А может этот запах вообще не изжить. В ванную заглянула жена. – Не мучайся – купи завтра после работы подсолнечного масла. От селедки, ножи вилки всегда отмывают подсолнечным маслом, капнешь на нож одну каплю, разотрешь, и нож как будто с селедкой десять лет не лежал. Иван еще раз ополоснул бочку теплой водой, дал воде стечь и оттащил бочку на балкон. Когда пронесил бочку через комнаты, старшая дочь, читавшая книгу, недовольно заметила. – Что вы там делаете, навоняли сплошной селедкой. Иван умылся холодной водой, вытерся. Он очень проголодался. Пообедал сегодня в начале первого, да и обед был какой-то холодный и пресный. Обычно еда доставляла ему большое удовольствие, если борщ был огненно горячий, со сметаной, со жгучим перцем и чесноком. Тогда он умудрялся с одним борщом съесть три четыре куска хлеба, намазанные горчицей и посыпанные солью. А сегодня в столовой была чуть теплая лапша да гуляш с какой-то гречневой размазней. Иван поел основательно и прошел в большую комнату к телевизору. Кино уже кончилось – передавали погоду. Спал он в эту ночь неважно. Во первых, накрылся байковым одеялом, и почти всю ночь ему было холодно, до утра по настоящему так и не согрелся, а вставать, что б утеплиться, не хотелось. Только под утро он уснул, и почти проснувшись, увидел на столе банку с селедкой и ему показалось что атлантическая с наклейки лукаво подмигнула. Встал он совсем разбитый, болела поясница и хотелось спать. На работе Иван часа полтора мучительно думал, как избавиться от запаха. Так ничего и не придумав, он занялся работой и до вечера о бочке не вспоминал. После работы, не заходя домой, Иван зашел в универсам. Подсолнечное масло было в полиэтиленовых бутылках. Однако народу в кассах было не сосчитать. Очереди тянулись как змеи через весь зал, огибая прилавки и контейнеры. – Эх, тут проторчишь, с тоской подумал Иван и занял очередь. Сорок минут, переминаясь с ноги на ногу, потребовалось Ивану, чтобы покинуть не гостеприимный магазин. Он вошел в квартиру, и его встретила жена. – Наконец-то соизволил сходить в магазин – где так долго шлялся –

ядовито спросила жена. Он поставил подсолнечное масло и стал переодеваться. – В универсам зашел за маслом – показал он на бутылку – да там сейчас столько народа – пропасть, целый час простоял. – Вот будешь знать, как по магазинам ходить – назидательно откликнулась жена. Переодевшись, Иван вышел на балкон и понюхал бочку. Она отчаянно пахла. Он вернулся на кухню, захватил и отрезал ножом кончик у бутылки с маслом и задумался. – Где мазать бочку. На балконе, все маслом перемажешь, а масло вывести будет посложней селедки. Он опять притащил бочку в ванную. – Когда ванну мыть будешь – недовольно вдогонку кричала жена – всю изгадил своей бочкой и поцарапал. Иван проигнорировал замечание жены и занялся бочкой. Тоненькой струйкой, сжимая полиэтиленовую бутылку рукой, он пролил масло по всем стыкам сверху до низа. Потом начал водить рукой по кругу, поливая в поперечном направлении. И наконец, когда масло в бутылке кончилось, ладонью растер остатки по всей внутренней поверхности. Пришла жена, посмотрела и посоветовала. – Пусть постоит. В дверь заглянула дочь. – Я хочу мыться.. – Потерпишь – одновременно, не сговариваясь, ответили родители. В этот день Иван больше не входил в ванную. – Молодец жена – думал он – пару дней постоит бочка и будет как новая. Два дня бочка с маслом стояла в ванной. За это время Иван успел посоветоваться насчет бочки еще с одним специалистом, точнее со специалисткой. В столовой, где он обедал, работала знакомая Галя. Знакомы они были мало, однако раскланивались. Обедать он пошел специально в тот зал, где работала Галя. Как всегда, поздоровавшись, Иван попросил ее выйти из-за прилавка. – Галя, скажи пожалуйста, чем можно отмыть деревянную бочку из под селедки. – Бочку что ли достал – спросила Галя. – Достал, но она пахнет селедкой. – Не беда, у нас, когда приходит комиссия из санэпидемстанции, берут мазки и за чистоту борются, мы успеваем протереть все, что нужно, уксусом и никакой заразы и никаких запахов. – Ну, спасибо за совет – ответил Иван, отошел и встал в очередь. Через пару дней Иван ополоснул бочку несколько раз, долго приносивался, но так и не смог определить – пахнет или нет. Позову соседа, он лицо нейтральное, не заинтересованное. У Ивана был замечательный сосед – Паша. Он жил в соседнем подъезде этажом ниже. Этот замечательный сосед работал по какому-то странному графику, то его не было несколько дней, то он два три дня торчал дома с утра до вечера. Зато он всегда был слегка пьяненький. В любое время дня и ночи у него можно было стрельнуть сигарету или бутылку пива. Как и кем он работает никто толком не знал, говорили, что он таксист, но то ли водит машину то ли ошивается кем-то в таксопарке. Но домой он возвращался неизменно пьяный. По его же выражению – одну дозу после работы необходимо принять обязательно. Иван несколько раз задавал ему вопрос, где и кем он работает. Но Паша всегда, поводя посоловелыми глазами, отвечал что-то немыслимое. Например. – Импорт, экспорт в Симферополе. Иван поднялся в соседний подъезд и позвонил в квартиру к Паше. – Паша – это Иван, зайди ко мне на минутку. В ответ послышался хриплый голос спросонья. – Выпить что-нибудь найдешь? – Паша, сегодня ничего нет, но ты мне нужен по другому делу. Зайди на пару минут. – Ну, так ты иди ко мне – пивка выпьем, а может сгоняем за бутылочком. – Нет, Паша – я занят, а ты мне все-таки нужен у меня, а выпьем мы обязательно, но попозже. – хорошо, сейчас приду. – Жду – ответил Иван и пошел домой.

В дверь позвонили, Иван открыл. В дверях стоял Паша. Высокий, черный и лохматый, с заспанными глазами в дешевых трениках, в стоптанных домашних тапочках. Ввалившись в прихожую и пожимая руку Ивана, спросил.

– Что-то у вас селедкой пахнет, угости, а то что-то остренького хочется. Бери Иван свою селедку, и пойдём ко мне пиво пить. С досады Иван и вправду готов был выпить, но ответил Паше отказом.

– Нет, Паша, сегодня дел много.

– Ну, а какое у тебя дело ко мне – спросил Паша. – Ты его уже сделал – определил, чем пахнет из бочки.

– Покажи.

Иван вытащил злополучную бочку и поставил ее перед соседом. Тот сунул голову в бочку, понюхал, поморщился и сказал. – Пахнет. Возьми шабер или изогнутую стамеску и сними верхний слой, миллиметра полтора и запаха не будет. – Это очень трудоемко. – Хорошо, пойдем ко мне пиво попьем и я дам тебе очень грубую шкурку, сдирает лучше шабера или асфальта. Попотеешь, конечно, но миллиметр с внутренностей снимешь. – Ладно, пошли. Нин – крикнул Иван, я пойду к Паше шкурку возьму. – Напьешься, не приходи дверь не открою. – Ладно, не напьюсь, только пиво.

Выйдя из квартиры, мужики не сговариваясь, задами, что б жена не увидела, направились в магазин.

– Идем быстрее, а то закроют – торопил Иван.

– Не бойсь, для меня не закроют до десяти, пока все не уйдут.

Паша сбегал домой, набросил пиджак, и надел ботинки. Он был постоянным клиентом винного отдела, знал всех продавщиц по именам, никогда не скупился, переплачивал, почти за каждую бутылку, поэтому отказа не знал. Они купили бутылку портвейна, хотя на витрине его не было, и по две бутылки пива на брата. Когда Паша расплачивался, Иван пытался сунуть полтора рубля своих, но Паша махнул рукой, отдал трояк, не подумал получить сдачу, улыбнулся толстой продавщице и они вышли из магазина.

Паша и Иван выпили портвейн, пиво, покурили раза по три. Иван рассказал про бочку всю историю с самого начала. Паша долго и заразительно смеялся. Потом влез на антресоль, достал огромный свернутый кусок наждачной бумаги, оторвал половину и дал Ивану.

– На, верное средство, это тебе не химия.

– Спасибо Паша, я побегу, а то Нина ворчать будет.

Дома Иван откупорил непечатую бутылку уксуса и залил его в бочку, которая по-прежнему, стояла в ванне. По квартире пополз запах уксусной кислоты.

– Ты что, уморить всех нас хочешь со своей бочкой. Развонял на всю квартиру. Заканчивай, давай и разбирай постель детям. Иван накрыл бочку тряпкой, а сверху поставил таз.

– Пусть мокнет до завтра.

Разобрал постели, сам долго не мог уснуть. Сколько можно возиться с бочкой. Что она пропиталась насквозь что ли. Дочь вторую неделю вымыться не может. Я кажется, пропах бог знает чем. Чего там Паша говорил про химию. Завтра на работе пойду к химикам, посоветуюсь. Если после химии запах не пропадет, выкину ее как телевизор и успокоюсь. Лет восемь или десять назад Иван работал на радиотехническом заводе монтажником. В то время было поголовное увлечение монтажом карманных приемников, как правило, в мыльницах, магнитофонов, телевизоров. Соседи Ивана – такие же монтажники, как и он, собирали дома и гнали на продажу телевизоры. Иван им даже искал покупателей. И вот он решил – соберу себе телевизор. Два года возился. По винтику, по сопротивлению, по панельке собирал, ящик и большие железки покупал в магазине Пионер, где продавалась не кондиция. Сделал все-таки. Тысячи деталей соединил, ночами сидел, коптил паяльником. Телевизор был новейшей марки, а работал как Николкина машина. То хрипел, то молчал, то рожи корчил, то дымился. Если есть в доме хороший телевизор – это радость и удовольствие, если телевизора нет – на нет и суда нет, а если есть плохой или отвратительный, то это беда, скандалы, нервотрепка, сплошной кошмар и ужас. Рассуждая так, Иван снял кинескоп, дорогой больно, отсоединил начинку от ящика. Полированный ящик пусть останется, дыру заделаю, дочь будет игрушки складывать. Снял лампы – пригодятся. Строчник – дефицит, силовик – все хватит. Засунул свое детище в рюкзак и... оттащил на помойку. Долго мучился еще потом, почему не бросил и трубку с лампами и трансформатор. Лет пять перекладывал их с места на место, пока тоже не отправил на помойку.

Утром Иван проснулся необычно рано и опять к бочке. Она стерва пахла. Он уже собирался выйти из дома, когда в дверь позвонили. В дверях стоял дядя Коля – сосед с четвертого

этажа. Он частенько заходил к Ивану или к Нине, одолжить до вторника или четверга, когда трешку, когда два рубля. Остальные соседи как-то отвадили дядю Колю, а Иван никак не мог нагрубить ветерану. – Что дядь Коля – спросил он.

Прежде чем ответить, дядя Коля потянул носом и сказал.

– Селедочкой балуетесь с уксусом.

Ивана передернуло. Не проронив ни слова, он достал из бумажника трешку, отдал соседу. Они вместе вышли из квартиры. Лифт не работал, и они пошли пешком. Рядом, то слева, то справа семеня маленький Дядя Коля и униженно обещал.

– Я не такой человек, ты не думай, не беспокойся, во вторник принесу трояк.

– Ладно, ладно – дядь Коля, я побегу, а то опоздаю – ответил Иван и быстро побежал вниз, стуча ботинками по ступенькам.

На работе Иван разыскал молодого и, как утверждали, талантливого ученого-химика, прозванного за страсть к химии, Менделеевым и напрямик выложил.

Сергей Николаевич, помогите, пожалуйста. У меня есть бочка – пахнет селедкой. Как ее вымыть, что б, не пахла.

– Так – протянул Менделеев, закатил глаза и начал бормотать. Бензол, толуол, керосин – можно помыть, но будет вонять. Хлорка, хромик, ацетон. Хлороформ, пардон – сказал он громче. Спирт хорошо, но не годится, никто не даст. Да я и сам считаю кощунством отмывать спиртом селедку. Спирт надо использовать по назначению. Он щелкнул по горлу и выразительно подмигнул. Лучше всего народное средство. Испокон веков, применявшееся на Руси. Прост, дешев, доступен, эффективен. Это выпаривание обычной водой. Дальше объяснять..

– Не надо я все понял. Спасибо – ответил Иван.

– Еще раз спасибо.

Ну, берегись чертовка. Драть шкуркой не буду, а пропарю от души.

Вечером Иван снова перетащил бочку в ванную. Достал с антресоли шестилитровую кастрюлю, налил ее горячей водой и опустил в нее кипятыльник. Включил его, и как только, из под кипятыльника, пошли пузырьки, накрыл кастрюлю с кипятыльником, бочкой. Все, как выкипит вся вода, бочка будет без запаха – иначе – Иван стиснул зубы, я сделаю, я выброшу ее с седьмого этажа.

Половина первого ночи Иван вошел в закупоренную ванную. Оттуда повалил пар, как из парной. Когда в ванной что-то стало видно. Иван обалдел. Его гордость, даже жена хвалила, великолепно оклеенная клеенкой, ванная была неузнаваема. Клеенка свисала ключьями со всех стен и с потолка тоже.

Выключив кипятыльник, Иван снова закупорил ванную. Законопатил щель под дверь старым ковриком и пошел спать. Он уже больше не верил ни во что, ни в народную мудрость, ни в химию, никаким умельцам и специалистам. Он принял решение. Ему сразу стало легче, просто легко. Посмеявшись про себя, подтрунив над собой, заранее возрадовался завтрашней субботе и спокойно уснул.

Половина шестого утра Иван проснулся и босиком, в одних трусах вошел в ванную. Пар уже выветрился весь, и только под бочкой еще было сыро и тепло. Осторожно, потихонечку, он дотащил бочку до входной двери. Все в доме было тихо. У двери он снова сунул голову в бочку и понюхал. Бочка пахла.

– Ничего, со злорадством – подумал Иван – скоро пахнуть не будешь.

Он оделся, обулся. Проверил – сигареты есть, спички есть. Медленно, медленно, нажимая на ручку двери, чтоб не скрипела, он открыл дверь и осторожно вынес бочку на лестничную клетку. Также осторожно прикрыл за собой дверь. Вызвал лифт. Никого, не встретив и видимо никого не потревожив, он спустился со своей ношей вниз. Бесшумно пронес бочку через двери подъезда и дотащил ее до пустыря. Несколько близ лежащих многоэтажных домов, окружив старый заброшенный сад, образовали участок, почему-то прозванный пусты-

рем. Через пустырь проходили две три узенькие тропки, остальная земля заросла джунглями крапивы травы и лопухов. Заброшенные яблони и груши одичали, некоторые засохли, какие-то еще плодоносили, но плоды обрывались мальчишками еще в зародыше, не дотянув до величены грецкого ореха. Среди этого пустыря, между распутившимися корявыми деревьями пионеры сделали склад металлолома. Сюда стаскивали всякий железный и металлический хлам, а местные из домов превратили склад металлолома еще и в свалку ненужных вещей, старой мебели, отслужившей свой век.

Железо вообще, кажется, ни разу не увозили и груды металла и старой рухляди медленно росли. Неподалеку лежал огромный валун, неизвестно когда и как попавший сюда, в середину вновь построенного микрорайона из многоэтажных домов. На этом камне Иван сидел иногда во время прогулок с дочкой. Дети любят такие заброшенные, заросшие уголки, где можно отыскать что-нибудь интересное.

Иван положил бочку около валуна. Подобрал сухой и чистый ящик из под винограда – их тут было много, сказывалась близость магазина. Быстро разломал его и сложил дощечки колодцем. Подоткнул кусок газеты под дощечки и зажег. Потом полез в кучу металлолома. Он искал железную трубу, потолще. Наконец он нашел то что искал. Взвесил ее на руках – миллиметров сто в диаметре, толстостенная, и метра полтора в длину. То что нужно. Он поставил бочку вверх дном немного наискосок. Отошел на метр, расставил ноги пошире, и поднял трубу. Вздыхнув всей грудью и озверев, Иван со страшной силой ударил по бочке. Раздался оглушительный треск. Бочка лопнула и перекосилась. Разогнувшись, он нанес второй сокрушительный удар. Бочка хрустнула и развалилась. Иван отбросил трубу в кучу железа, туда же полетели снятые с бочки обручи. Затем он аккуратно, шалашом наложил дощечки на уже разгоревшийся костер. После этого он закурил и присел на камень. Доски бочки не загорались. Иван злорадно усмехаясь, продолжал сидеть и курить. Наконец доски задымились и подсыхая загорелись..

Где-то, через час, от костра осталась тлеющая кучка углей. Иван воровато огляделся, кругом никого не было. Он встал на колени у костра, низко наклонился, опалил жаром костра лицо и ресницы и понюхал. Селедкой больше не пахло. Иван выпрямился, удовлетворенно и смачно плюнул в костер и пошел домой.

ДНД

Начальник технологического конструкторского бюро вошел в помещение и объявил.

– Сегодня наша очередь идти в добровольную народную дружину. Желающие есть?. Желающих не нашлось. – Зайцев, ты почему не хочешь?. – У меня ребенок дома болеет, жена просила не задерживаться. – Наталья Дмитриевна, Вы как? – В гробу я видела вашу дружину. Не пойду. – Шестаков – идешь? – Не могу. Сан Саныч, никак не могу – Коровина, Петр Фомич. – Нет, нет, нет. – Все – Степанов, идешь ты и я.

– Два отгула, тогда пойду – прогудел Степанов.

– Хорошо, договорились. Только после завтра, ты останешься за меня, я отпросился, мне нужно.

Задолго до пяти часов работать все прекращали работу, и начиналось обсуждение различных вопросов. Когда и сколько процентов дадут квартальную премию, будет ли когда-нибудь повышение зарплаты, о погоде, командировкам и прочее. Вдруг кто-то спросил.

– А сколько времени?.

Ему ответили – Без пяти пять. Все вскочил и засобирались.

– А ведь могли бы и пересидеть.

Через три минуты в КТБ уже никого не было. Остались лишь начальник – Фомичев Александр Александрович, да Николай Степанов.

– Николай – сегодня у нас дежурство будет длинное. К двадцати одному часу, нам надо будет вернуться в отделение милиции, а не сбежать сразу после инструктажа. Отработаешь по полной, свои два отгула.

А чтобы веселее дружинилось, мы с тобой возьмем.

Сан Саныч открыл сейф, достал большую стеклянную бутылку, и нацедил в плоскую баклажку из нержавеющей стали, грамм триста спирта, долил до верха водой из под крана и завинтил крышку. – Думаю хватит.

Такие баклажки делались у них же в механической мастерской, всего за двести пятьдесят грамм, конечно чистого спирта.

– Давай по чуть, чуть. Закусить что-нибудь есть.

– Найдем – ответил Степанов и порывшись в ящике стола достал две маленькие шоколадки и два печенья. Заодно он прихватил и маленький стеклянный стаканчик. Шанцевый инструмент всегда должен быть в запасе. Сан Саныч и Николай выпили по стопочке, разломали шоколадку пополам и зажевали. – Нам к шести часам – сказал Сан Саныч – идем потихонечку.

Фомичев отличался большой оригинальностью. Не плохой конструктор, частенько выдвигал смелые решения тех или иных проблем, но настоящей страстью для него был его садовый участок в Подмосковье. Каждый день он тащил что-нибудь с работы на свою фазенду. Он сам говорил, что если я иду с работы пустой, то становится как-то не по себе, как будто чего то не хватает. Он тащил все, да и не только он, все тащили, у кого была возможность. Брал он только то, что может пригодиться на даче. А что не сможет пригодиться на даче. Сан Саныч как-то утащил двигатель с редуктором, который делал двенадцать оборотов в час. Закрепил двигатель на чердаке в торце дома, а ось выпустил наружу. Закрепил на оси метровую деревянную стрелку. Получились куранты, которые показывали только часы, а минуты его не интересовали. Один раз ему потребовался металлический уголок – длиной метр восемьдесят сантиметров. Как его вынести. Он засунул уголок через штаны в ботинок, поднял воротник куртки, что б закрыть конец уголка, который был выше его ушей. Так и прошел, с негнувшейся ногой через проходную. В милиции Фомичева и Степанова вместе со всеми пригласили пройти в комнату на инструктаж.

Майор-инструктор, минут пятнадцать талдычил, как надобно блюсти общественный порядок. Раздали повязки, и дружинники толпой покинули милицию. Наши герои задержались. Сан Саныч наклонился к Николаю и прошептал.

– Ты в милиции когда-нибудь пил?.

– Я нет.

– И я нет, надо восполнить этот робел. Будет что вспомнить. Оба задержались в комнате инструктажа. Оставшись одни в комнате, быстро налили по стопочке, выпили, бросили в рот по половинки печенья и вышли к остальным дружинникам. Их дружина состояла из четырех человек. Наши мужчины и две женщины, которых они тут же отпустили.

– Идите девушки по домам.

Женщины сняли повязки, и пошли по домам.

Участок патрулирования находился довольно далеко. Мужички проехали три остановки на трамвае и дальше пошли пешком. По пути им попался детский сад.

– Сан Саныч, а в детском саду тоже употреблять гидрашку нельзя.

– Молодец, быстро учишься. Конечно, зайдем.

– Не зайдем, а залезем.

Они перелезли через забор и удобно устроились на скамеечке под навесом. Выпили еще по шкалику и чуть не съели всю последнюю шоколадку..

– Степанов, ты что сюда жрать пришел. Это последняя закуска, как я понимаю. Сан Саныч поболтал фляжкой, есть еще немного. Они не торопясь поболтали о футболе. о фазенде. Сан Саныч рассказал, какой ужасный случай произошел с ним на фазенде. – Прошлой осенью я набрал целую двадцатилитровую бутылку резаных яблок, смородины и крыжовника, залил водой, добавил сахара и дрожжей. Бутылку спрятал в углу в зарослях смородины и еще замаскировал так, что и жена не знала. Как только она отвлеклась, я нырнул в кусты и принимал пол-литровую баночку. Классный сочек был. К сожалению – был. Жена удивлялась, был трезвый, никуда не уходил и вдруг косой. Я потерял бдительность, а жена наоборот. Такую тайную слежку организовала, что я и не заметил.. – Плакал я Коля как сок выливалась,

– Мне и сейчас его жалко до слез.

Мужчины вылезли из детского сада, дошли до улицы, на которой они должны были патрулировать и прошли один раз, туда и обратно. Так на всякий случай, дружинили, и все тут. Пора уже было, и идти в милицию.

– Около восьми – пора идти, раньше придем, раньше уйдем – сказал Сан Саныч.

– Надо говорить раньше сядешь – раньше выйдешь.

– Типун тебе на язык. Поедем в ментовку на метро, здесь всего одна остановка.

Она-то одна, но там пить запрещено, а у нас еще, как я полагаю, несколько капель осталось.

Они купили билеты и спустились в метро. В девятом часу на конечной остановке в вагоне было уже не много народа. Пристроившись в конце вагона, дружинники сняли повязки, повернулись спинами к сидящим пассажирам. Сан Саныч поболтал фляжку.

– Как раз, по чуть-чуть, осталось в самом запрещенном месте. Последний глоток Николай делал, когда поезд уже остановился. Они выскочили из вагона, поднялись на верх и пошли в милицию.

Мент-старлей разговаривал по телефону. Увидев, дружинников, кивнул им.

– Сигнал есть. Здесь недалеко, в вечерней забегаловке, пьющие расплодилось. Не пьющие дружинники старались держаться подальше от майора. В дежурку вошел старший лейтенант. – Старлей – - сходи с дружинниками в ближайшую травилровку, оттуда звонили. Втроем, выйдя из отделения, они направились в пивнушку. Только поднялись на второй этаж, открыли дверь и прямо напротив, увидели за стойкой троих мужичков. Один из них держал в руках только что открытую бутылку водки. Двое быстренько убралась в глубь зала, а третий растерялся,

да и милиционер погрозил ему пальцем. Последний, обреченно остался стоять на месте... – Пошли – сказал старлей – да смотри не урони бутылку.. Вышли из пивной вчетвером. Сан Саныч, милиционер, мужичек с бутылкой и Степанов. Тот, что с бутылкой упрасивает.

– Вы, как не родные, мужики, давайте хоть вы на четверых выпьем. – И умоляюще стал смотреть на милиционера. Сердце мента видимо дрогнуло и он сказал.

– Я не против, – вы как дружина?

– Мы за – хором ответили дружинники.

Все зашли за ближайшую ракушку. Мужичек передал бутылку милиционеру, достал из кармана стакан и стал озиаться вокруг.

– Не бойся – сказал старлей, мы сами стоим на страже закона.

Разливал мент по братски. Мужичку накатил полный, в накат, стакан. Тот крикнул и выпил. Старлей взял его стакан, плеснул в него немного водки, поболтал и вылил. Потом налил себе пол стакана. Выпил. Бутылку и стакан передал Сан Санычу. Николай подсуетился и подставил свой стаканчик. Фомичев наполнил стаканчик. остальное едва уместилось в его стакане. Старлей сказал.

– Вы дружина, снять повязки и по домам – и обращаясь к мужичку приказал.

– Ты тоже домой.

Милиционер и мужичек ушли. Сан Саныч нетвердо стоял, прислонившись к ракушке. Его повело. Он еще днем, на работе прикладывался несколько раз. Как он сам говорил, наливая чистый спирт в широкую пробирку. – Восемьдесят грамм больше в мой рот не умещается.

Последняя доза была лишней и слишком большой. Ему уже трудно было стоять. – Придется, наверно, вести Фомичева домой на такси.

Дружинники, теперь уже бывшие. присели на скамеечку на остановке. Покурили. Фомичев стал заваливаться на бок. Николай посадил его прямо и стал спрашивать.

– Адрес, Саша, адрес свой скажи, пока не уснул.

Сан Саныч стал что-то мычать и опять пытался прилечь.

Николай не позволил, но Фомичев закрыл глаза и спал сидя. В течении получаса Николай пытался привести начальника в чувство. Брызгал ему в лицо водой из лужи, бил не сильно по щекам. И прежде чем Фомичев окончательно уснул, успел добиться от него адрес.

Степанов пододвинул бесчувственное тело Фомичева на край скамейки в угол. Опер его плечи на стенку остановки и стал ловить такси. Наконец четвертое такси остановилось.

– Командир, моего друга-начальника развезло от усталости. Подвези – плачу два счетчика – Николай назвал адрес.

– Три счетчика – ответил таксист.

– Согласен, выбора нет. Завтра счет предъявлю начальнику.

Таксист помог затолкать безжизненное тело Фомичева на заднее сиденье. Поехали.

Доехали быстро. Николай расплатился, выволок огромного Сан Саныча из машины и таксист уехал. Фомичев – метр восемьдесят ростом, весил килограмм девяносто. По крайней мере так думал Николай. С большим трудом, как мешок с песком, он втащил начальника на третий этаж. Усадил на ступеньки. Отдышался. Нажал кнопку звонка. Через минуты дверь открылась. На пороге стояла здоровенная бабища лет пятидесяти. Увидев сидящего Сан Саныча, она начала вопить благим матом. Минут пять она изрыгала страшные проклятья с отборным матом и оглушительными воплями – потом захлопнула дверь с таким треском, что задрожали перила на лестничной клетке. Николай почесал затылок и опять позвонил. Не стал больше дожидаться нового появления хозяйки, побежал вниз. Дома его тоже ждала подобная встреча.

Шабашка 1

Жорес Артемьевич Щегольков. и Николай Николаевич Степанов давно дружили, хотя и работали в разных отделах. А познакомились они уже давно еще на первой шабашке Тогда их собралось пять человек – - все с одного института, где они работали. Степанов, Щегольков, Николай Иванович Агафонов, самый пожилой среди них, ему уже было немного за пятьдесят, Геннадий Пеображенский, и Ромка, самый младший, ему еще не было и тридцати..Они устроили первое организационное собрание.

Мужики мы собрались шабашить, деньги всем нужны, но давайте сразу договоримся, кто будет за бугра, то есть начальником или командиром, кому как нравится. В лихолетье, в войну например, обязательно должно быть единоначалие, иначе как говорится выйдет не дело только мука У нас должна быть железная дисциплина, безотказность в работе. Рабочий день – световой. От рассвета до заката. Без выходных и пьянства – сухой закон.

– Кто желает быть командиром? Вы как Николай Иванович?

– Нет, я не хочу. Вы знаете, что я начальник лаборатории и командовать больше не хочу. Вот Степанов, самый красноречивый, пусть он и командует. Предлагаю его.

– Я поддерживаю это предложение – сказал Жорес.

– И я, за – поднял руку Ромка.

– Большинство, подвел итог Николай Иванович. Командуй Степанов.

– Хорошо мужики, я согласен, но при некоторых условиях.

– Беспрекословное подчинение после принятия решения.

– Будем вместе советоваться, обсуждать. Я готов выслушивать любые предложения и замечания, но последнее слово остается за мной и после принятого решения, я уже говорил, исполнение обязательно без возражений. Согласны?

Все согласились.

Николай Иванович, Жорес и я, завтра суббота, поедем на разведку.

– Можете?

– Я могу.

– И я могу

– Хорошо. Я подъеду на своей машине к институту к семи часам утра. И вы подгребайте.

На следующий день в начале восьмого три инженера со Степановым за рулем тронулись в путь.

– Едем на юг – по Каширке – начал Николай. У меня недавно был разговор с одним знакомым, вы его не знаете. Он был на шабашке в Белых Столбах, это километров шестьдесят от Москвы. Там есть какой-то знаменитый совхоз. Называется – - Заветы Ильича. Директор этого совхоза, говорят, друг самого Леонида Ильича Брежнева. Там всегда полно работы и распределяет ее некто Марков. Этот тип – парторг. Он не только много делает партийным словом, но и распределяет работу. Сам еще молодой человек, высокий, красивый, любитель женщин и взятки берет в любом виде. Вот и попробуем дать ему взятку, заинтересуем его. И получит он взятку только в том случае, если заработаем мы. Поэтому необходимо сброситься на организационные расходы Давайте пока по пятерочке. Деньги будут храниться у меня, но по первому требованию отчитаюсь.

В первом же попавшемся магазине купили три шоколадки и бутылку коньяка. Доехали без приключений. Совхоз находился не далеко от шоссе. Нашли правление. Здесь должен и быть кабинет главного коммуниста. Нашли без особых усилий.

– Значит так мужики. Стойте у двери, а я пойду в кабинет. Пока я не выйду, или меня не вынесут, никого не пускайте. Ну скажите что просил не входить, или еще что-нибудь соворите.

Степанов вошел в кабинет. Просторное помещение, большой Т-образный стол покрыт зеленым сукном. За двухтумбовым столом сидел Марков и что-то писал..

Николай нагло вытащил коньяк из внутреннего кармана и поставил его на стол перед Марковым. Тот засуетился, начал открывать ящик стола, чтоб спрятать бутылку, а бумаги не дают выдвигаться ящику. Николай подскочил, помог затолкать бумаги по глубже. Наконец, Маркин спрятал коньяк, успокоился, и вопросительно уставился на пришельца.

– Говори. – Мы шабашники, ищем работу. У вас все равно не хватает рабочих рук. Мы поможем и отблагодарим по царски. – Хорошо, да у нас есть работа. Сколько вас? – Пять человек.

– Что умеете делать?

– Все. Кирпичи кладем, крыши кроем, столярка, земляные работы, берем много – кидаем далеко.

– В деревне Минеево, размыло плотину у пруда. Там нужно выдернуть с откосов, старые бетонные плиты. Посыпать где нужно, выровнять и опять уложить плиты, заделать стыки. У слива придется делать опалубку и заливать бетоном. Сможете?

– Сможем.

– Когда сможете приступить к работе? – Со второго июня. – Успеете за месяц?

– Успеем.

– Хорошо. Приезжайте второго. Жилье организуем, там, рядом в деревне. Там есть пустующий дом. Когда приедете, я вас представлю прорабу. Он будет следить за вами, и обеспечивать всем необходимым. Это хорошая работа. Семьдесят процентов от себестоимости материалов – ваши. Мои – десять процентов от ваших. Как тебя звать?

– Степанов, Николай Николаевич, город Москва.

– Мои ФИО на двери. Бывай здоров.

– До свидания.

Степанов вышел к своим товарищам, поджидавшим его в коридоре. Когда уже в машине, он рассказывал, как помогал Маркову прятать коньяк, друзья долго смеялись и удивлялись простоте и наглости своего командира.

Второго июня шабашники, вся пятерка, собрались у института. Степанов был без машины, что потом оказалось правильным решением. Сначала на метро потом на электричке друзья добрались до Белых столбов. Пешком дошли до совхоза.

Маркин ждал бригаду. Встретил он их в коридоре и проводил к прорабу. Маркин сказал ему.

– Геннадий Филиппович вот тебе еще одна бригада – пять человек. Поставь их на плотину Минеево, пусть делают и обеспечь всем не обходимым. Там в Минееве тетка Матрена уехала, похоже насовсем, пусть эти там живут. – Повернулся и ушел.

– Подождите мужики, разберусь, разбросаю всех и займусь вами. Минут сорок инженеры дожидались, греясь на солнышке. Наконец, подошел прораб.

– Кто старший?

– Я, Степанов.

– Значит бригада будет – Степанычи Грузитесь вон в ту бортовую, я в кабине поеду с вами. Мужики попрыгали через борт на машину, прораб сел в кабину. Поехали..

До Минеево было километра три. Дождей давно не было и грунтовая дорога была сухой, но очень пыльной и пока они доехали до Минеево, вся бригада стала в пыли. Переехали через плотину и машина остановилась. Прораб вылез из кабины.

– Слезайте, смотрите и слушайте Со стороны пруда плотина еще хорошая, а после слива, смотрите, плиты в откосах подмыло, образовалась большая воронка. Ваша задача. Снять плиты, очистить, подсыпать где нужно гравий. Засыпать вон ту бучину. Выровнять площадку, забетонировать, после того как снова уложите плиты. Сломанные, заменим на другие. Не смот-

рите так ужасающе. Получите кран, трейлер, бульдозер будет у вас постоянно, остальное когда нужно Осваивайте вон тот дом. Гусеничный трактор я вам сегодня пришлю. Договоритесь с вонючим Павлом.

– Почему вонючим?

– Потом сами унюхаете. Лопаты и рукавицы пришлю. Вам, наверное, потребуются тросы, спросите у Павла, он подскажет, где взять. Бригадир, завтра к восьми ко мне на развод и так каждый день с докладом.

Прораб уехал, а Степанычи пошли в указанный дом. Деревенский дом стоял на краю. В доме оставалась мебель, постель.

– Забыли мы про белье сказать, на чем будем спать?

– Разберемся, дождемся Вонючего – успокоил шабашников их командир.

Местность в этом районе была холмистая и между холмами понаделали плотин. Образовался целый каскад прудов, где из одного пруда вытекал ручеек и наполнял другой. Во время весеннего половодья ручейки и стоки плотин превращались в бурные потоки, снося все на своем пути, размывая откосы и берега.

Часа через два притащился гусеничный трактор с Павлом за рычагами. Высокий, жилистый мужик, какие бывают только на селе, обожженный солнцем и ветром, худощавый со впалыми щеками. Но он был не старый, лет пятьдесят, не больше. Почему его прозвали вонючим, шабашники унюхали, как только он подошел. От него и от трактора за версту несло навозом и гнилью. Дело в том, что на своем ДТ он топтал силосные ямы, двигал навозные кучи и естественно сам был по самые уши в дерьме, как и его трактор. Он сам рассказывал, что в магазине он никогда не стоит в очереди, его умяляют купить, что нужно, вне очереди. Павел сразу взял быка за рога.

– Меня прислали работать с вами постоянно. У меня отличная машина-зверь, но я должен в обед, за ваш счет, обязательно принимать стакан водки, а то машина сломается.

– С завтрашнего дня – сказал Степанов, хотя у него в рюкзаке на всякий пожарный была припрятана бутылка водки.

– Я не жлоб – сказал Павел, сегодня я угощаю. Он полез в трактор и вытащил из-под сиденья две бутылки самогона. Степанов достал свою водку.

Самодельное пойло было злым и противным. Выпили за удачное начало, за здоровье и за последний раз. Закусили тем, что нашлось у всех и у Павла. Поговорили с Павлом о тросах, продуктах, о том о сем.

Вечером на газоне, сам за рулем приехал Марков. Привез одеяла, подушки и простыни. Павел, оставил трактор и уехал с Маркиным домой. Степанычи соорудили нары из подручных материалов. Инструменты – топорик, пила небольшая, молоток, гвозди они привезли с собой. Ехали не на прогулку.

На следующий день, рано утром, еще не было и семи часов Степанов отправился на развод к прорабу. Три километра не ближний свет, но для шабашника сто верст не крюк. На пол пути ему повстречался бортовой газик. С ним ехал Павел и прораб.

– Садись Степаныч – пригласил в машину прораб. Я вам уже говорил, что вы должны делать, какие будут вопросы? Около вас я стоять не буду. Так что трудитесь без меня.

С машины сгрузили лопаты, тросы, ломы и рукавицы и машина уехала.

Две недели пять инженеров института Прикладной физики, с семи часов утра до одиннадцати вечера с небольшими перерывами на обед, вытаскивали плиты с откосов, ровняли грунт и подсыпали песок или гравий. Предварительно плиты приходилось откапывать, иначе, шестнадцатимиллиметровые стальные тросы рвались как нитки. Трос заводили под плиту, или цепляли за ушки и Павел тащил их своим грязным трактором. Работал он классно. Лишний раз не дергал, аккуратно натягивал трос и потом уже взревев трактором вырывал очередную плиту. Тем не менее тросы рвались и приходилось снова завязывать самозатягивающиеся

петли, которые научил шабашников делать Павел. Ежедневно в обед он принимал дозу. Граненый стакан, наполненный в накат, который подставлял ему Степанов. Для этого в тумбочке, в доме, всегда стояла батарея бутылок с водкой. Через две недели адского труда стала сказываться усталость. Сам Степанов, не сложенный гигантом, усталости не ощущал, а вот Преображенский явно сдал. Вечером Павел обычно уходил домой, но иногда оставался. Степанов изредка баловал его. Подносил лишний стакан, если Павлу сильно доставалось за день. Сидеть целый день в пышущем жаром тракторе и двигать без конца рычагами – туда, сюда, удовольствие не большое.

Чувствуя, что накопившаяся усталость ощущалась у каждого Степаныча, Николай по своей инициативе выставил вечером на стол две бутылки водки. Мужики повеселели. Но после двух выпитых бутылок им еще захотелось, ведь в тумбочке было полно. Но Степанов напрочь отказал, и сколько его не просили так и не дал больше. За то после выпивки все спали как убитые.

Вывернув плиту, трактор вытаскивал ее из откоса, а освободившееся место заполняли песком или гравием и утрамбовывали. Огромный котлован, выкопанный водой, засыпали, вбухав в него несколько машин гравия. Что б вода постоянно не текла через слив плотины, открыли кран и сантиметров на тридцать спустили воду с пруда. В то время, пока вода через метровую трубу стекала с пруда, огородили металлической сеткой часть площадки после трубы. После того как трубу закрыли, собрали рыбу. Мелкая плотва и окушки.

Набрали килограмма три. После работы жарили и варили уху. Отоваривались в магазине. Благо он был не далеко. Когда в первый раз зашли в магазин, продавщица, увидев новеньких спросила.

– Водку будете покупать?

– Нет, мы не пьем.

– А баб то же – ни, ни. – И добавила много еще чего, отборным заковыристым матом.

– Нет, мы и не поэтому делу.

После того, как все плиты были вынуты и откосы выровнены, Степанов пешком пошел на развод к прорабу. Прораб сказал.

– Бери трейлер, кран и поезжай к Михееву коровнику. Там найдешь дорожные плиты. Грузи на машину, вези к себе и укладывай. Швы будете заделывать потом.

Приехав к Михееву коровнику, Степанов увидел стопу плит. Новые, восьмиметровые с пазом по торцам. Он цеплял, крановщик клал на трейлер и к обеду плиты уже были на плотине. Не отпуская машин, уложили эти плиты в откосы.

На следующий день, утром Степанычи только пришли на плотину, как увидели к ним едут опять трейлер и кран, а с ними прораб. Дальше прораб произнес такой монолог, что у инженеров повисли уши и отвисли челюсти, а смысл был таков.

– Плиты, предназначенные для крыши коровника вытащить, погрузить и отвести на место. Вам нужно класть самое барахло и сказал где брать более точно.

К концу месяца все плиты были уложены,

заделали швы, подготовили и залили бетоном опалубку у слива. Туда ушло всего четыре кубометра бетона. Доски для опалубки по ночам сторожили, что б их не растащили местные. Оставалась последняя операция Залить бетоном горизонтальную площадку, приблизительно сто квадратных метров. Обещали ночью привести бетон.

И вот сидят пятеро инженеров на плотине. Темно. Ждут самосвалы. Показался свет фар. Стали хором считать. Одна машина, две, три, четыре. И с ужасом – пять. камазов по четыре куба в каждом. Приехали, въехали на площадку, свалили пять куч и уехали. Еще вечером Степанов просил Павла не уходить домой. Но Павел запротивился. Тогда Николай сказал.

– Павел, выручай, не уходи, можешь понадобится. Плачу двадцать пять рублей и два стакана водки. Без тебя может быть полный провал всей на шей компании.

Павел дрогнул и остался. Мужики схватили лопаты, что б разбросать кучи бетона. Кругом темнота кромешная. Быстро разожгли костры с двух сторон, благо сухих дров-отходов от опалубки было много. Пять куч по семь тонн каждая – всего тридцать пять тонн на пять человек.

– Какой геркулес за два часа разбрасает такую тяжесть? – Степанов был в панике. – через два, три часа бетон застынет. Застывшие глыбы перечеркивали весь предыдущий каторжный труд. Не справился. Что делать?

Павел, двигай, растаскивай, кроши, размазывай по площади.

Павел опустил лопату трактора и поехал, но трактор стал выбрасывать бетон из-под гусениц, а сдвинуть кучу не смог. Тогда Степанов сказал.

– Павел слушай меня и делай, что я скажу. Поднимай лопату до упора, потом бросай ее, как можно резче и когда она воткнется в кучу отъезжай. Получилось. В течении двух с небольшим часов кучи были размазаны по площади. Степановцы, взмыленные, с мокрыми спинами, сбрасывая пот со лбов трудились как заведенные. Изнемогшие, все ушли в дом. Николай налил всем по полному стакану водки, Павлу выдал двадцать пять рублей.

– Начало светать. Шабашники пошли на плотину. Она блестела, как новенькая, кое-где торчали бетонные заусеницы, но это было уже не важно. Тысяча, а может быть и тысяча двести рублей будет у каждого.

В этот же день на газике приехал Марков с прорабом. Приехали, посмотрели и остались довольны. Марков дал команду оплатить.

Степанов отправил свою команду на станцию, получил в кассе, почему-то одними десятками пять тысяч восемьсот рублей и попросил Маркова подбросить до станции. Последний рулил, а Николай отсчитал десятками пятьсот рублей и сунул Маркову в карман пиджака.

– Можешь не считать.

Шабашка 2

В обеденный перерыв в институтской столовой встретились два приятеля – Жорес Артемьевич Щегольков и Николай Николаевич Степанов.

– Привет Степаныч, как жизнь молодая?

– Привет Жорес, тече помаленьку.

– Коля я собирался к тебе сегодня зайти. Дело есть на тысячу, а может быть на тысячу двести.

– Знакомые цифры, шабашка?

– Да, меня пригласили, и я вспомнил про тебя в первую очередь, А также про всех остальных. Ты можешь? Когда у тебя отпуск?

– Отпуск у меня в июне, да еще за ДНД должны три дня. А могу ли я? Конечно – ты знаешь, я всегда готов как пионер. Расскажи подробней.

– Да я толком мало знаю. Компания у ребят разношерстная. Есть наш брат инженер, есть работяги, студенты. Знаю только двоих. Ребята серьезные. Набирают большую бригаду и собираются ехать далеко.

– Куда же?

– На Анггару, в Устилим.

– Далекое. Понимаешь Жорес, чем больше бригада, тем труднее управлять, тем больше сачков. Но самоеглавное – - кто командир. От него многое зависит.

– Его пока нет. Те, кого я знаю, не потянут. Ты не возмешься?

– Нет, я не возьмусь. В прошлые разы, ты знаешь, я из кожи вылезал каждый раз, чтоб обеспечить победу, но скажу откровенно, так далеко ехать с незнакомыми людьми боюсь, да и не легкая это доля быть старшим. Рядовым членом поеду обязательно, если возьмут.

– Возьмут, я дам рекомендацию.

– Хорошо, я поговорю с Ромкой. Если нас будеттрое – надежней, веселее. Николай Иванович наверно не поедет, у него новая, молодая жена.

– Что женился Агафон?

– Да. Жорес не пропадай, я поеду обязательно. Договаривайся. Будет новый трудовой праздник.

Пассажирский лайнер ТУ – 104 рейсом Москва-Братск, летел через Челябинск. Четыре часа полета до Челябинска и еще четыре до Братска. Москвчи-шабашники, всего четырнадцать человек летели этим рейсом. Жорес и Николай сидели рядом. Прошла стюардесса, предлагая взлетную карамель. Николаю что-то стало не хорошо. У него закружилась голова, его подташнивало.

– Жорес, мне плохо, я сейчас концы отдам.

– Ты плохо переносишь самолет?

– Да нет, вроде бы. Но я так долго никогда не летал, ну час, полтора, а мы уже болтаемся три часа. Меня уже тошнит от этой взлетной карамели. Приготовь, пожалуйста, пакет, а то куда травить буду.

– Командир держись, расслабься.

– Нет, не могу больше, пойду в туалет.

– Тебя проводить?

– Нет, не надо.

Николай поднялся и медленно пошел в хвост, держась руками за спинки кресел. Иллюминаторы начали расплываться перед глазами и превратились в светлые пятна, ноги стали ватными и непослушными, колени подогнулись и он упал на колени. Голова была светлой, мозги работали нормально. Упершись на руки он поднялся и продолжал путь.

– Поскользнулся – - сказал он.

Иллюминаторы встали на место, приняли четкие очертания и он таки дошел до туалета. Там он побрызгал себе в лицо, его стошнило, но стало легче. Стало просто нормально, хорошо и он вернулся на свое место.

– Ты как Коля?

– Все нормально, старик, все в порядке.

Дальнейший путь до самого Братска проходил без приключений. Жорес и Николай были друзья со стажем, остальных почти не знали. У Жореса из всей бригады было двое знакомых, но он с ними не работал, не жил и фактически их мал знал. Несколько человек из бригады были не совсем трезвы, хотя и вели себя вполне прилично. Это тоже не по душе было друзьям.

– Если пить, то всем вместе, а лучше не пить вовсе в такой ответственный момент. Ничего не определено, до места еще не доехали, не договорились. Договариваться надо в трезвом виде. Бригадир или командир в бригаде по существу не было и друзьям это тоже очень не нравилось. За старшего или за организатора выступали Альберт и Леонид. Это они связывались с Устилимским леспромхозом и получили приглашение. Это был не вызов на работу, а просто устное предложение на словах. В любом случае трудяги всегда нужны. Их не бывает много и инженеры летели за пять тысяч километров с верой в успех.

Лайнер приземлился в Челябинске. Его быстро заправили, взлетели и взяли курс на восток. В Братске из аэропорта до железной дороги добрались на автобусе. На вокзале, где-то в углу шабашников взял в допотопные вагончики небольшой паровоз и по узкоколейке медленно ехали неизвестно куда. Среди тайги кое-где виднелись горелые участки. Остановились напротив какого-то сарая. Вылезли. Устилим или не Устилим.

– Вправо по тропке идите в леспромхоз – подсказал, высунувшись из окна паровоза грязный машинист. Пошли. Кругом сопки с высоченными, хвойными деревьями. Далеко внизу у подножья сопки в овраге лежит то ли лед, то ли снег. Это в начале июня. Впереди показалось селение. Разбросанные в беспорядке деревянные дома, старые, облезлые, сараи, гаражи, тракторный стан, кругом валяются запасные части от тракторов, лесовозов, пилорам. Появились местные старожилы. Шабашники с рюкзаками и сумками собрались вместе, уселись на сваленные в кучу хлысты. Двое пошли искать какое-нибудь начальство – так сказать на разведку.

– Жорес нам нужен свой бригадир, что б он договаривался. Представлял наши интересы. Как ты считаешь?

– Да, конечно не всем же каждый раз ходить, просить работу.

Не далеко шло строительство нового здания. Инженеры подошли к работающим. Нулевой цикл уже был закончен и трудяги начали класть стены. Работала бригада, ингуши или чеченцы, а может какой другой национальности. Но похоже с Кавказа. Стали спрашивать.

– Откуда приехали, когда, есть ли здесь еще работа?

Один кавказец перестал работать, подошел к инженерам и рассказал.

– Давно сюда ездим, каждый год почти. С начала мая до осени. Управляющий, я думаю и вам найдет работу.

Жорес и Николай вернулись к бригаде. Подошли, уходившие на разведку. С ними пришел и управляющий. Уже не молодой, седой и угрюмый, он обратился к шабашникам.

– Я уже говорил вашим – он кивнул в сторону разведчиков – работа есть. Сегодня устройтесь, а завтра на работу – он закашлялся, плюнул и продолжал.

– Тайга горит третьи сутки. Не можем никак справиться, не хватает рабочих рук. Плачу каждому по двадцать пять рублей сегодня же. Надо тушить. Оставьте ваши вещички вон в том вагончике, я закрою и пойдем в тайгу.

Рюкзаки и сумки сложили в вагончик и управляющий закрыл его на висячий замок.

Пошли в тайгу. Шли долго, не меньше часа. Москвичи с интересом рассматривали лес, расспрашивали проводника-управляющего. Он не охотно отвечал.

– Это лиственница, еще будете иметь с ней дело. Это кедрач, мало его осталось в тайге. Этот еще лет двадцать должен расти, прежде чем появятся орешки.

Управляющий угрюмо замолчал. Потянуло дымом. Впереди показалась полоса огня.

– Покурите – сказал управляющий, вытащил из-за пояса топор и начал рубить молодые березы. Он срубил штук пятнадцать и подошел к шабашникам.

– Пожар в тайге – страшное дело, вы еще увидите сгоревшие участки. Не приятное и опасное место. Много людей покалечило и даже убило в сгоревшей тайге.

Этот пожар низовой, огонь ползет по земле, но нет никакой гарантии, что не запольхает во всю.

– Берите по березе, вон я нарубил, становитесь цепью и сбивайте огонь, гасите.

Он взял одну березу, взяли и все шабашники и пошли к огню. Полоса огня тянулась в обе стороны, насколько можно было видеть. Поднимаясь на высоту 50 – 70 сантиметров, огонь медленно полз по земле, сжигая сухую траву, ветки, лапник. Если на пути попадалась береза, огонь быстро и ярко взбирался до самой верхушки, образуя огненный столб. Тут же спадая и неторопливо продолжал ползти по земле. Растянувшись цепью шабашники стали сбивать и гасить огонь. Погасили метров четыреста – пятьсот и присели отдохнуть. Оглянулись назад, в двух местах огонь смог пробраться и продолжал ползти. Двое вернулись и погасили. Такой пожар, его линия, может тянуться на десятки километров. Сколько же нужно людей и времени, чтобы погасить, да и гарантии никто не даст, что где-то огонь опять переползет через погашенное место и снова продолжит свое черное дело. Когда идет верховой пожар в тайге, то это ужасное зрелище. Огонь поднимается на огромную высоту. Как спички вспыхивают молодые хвойные деревья. Огонь очень быстро пожирает вековые кедрачи и сосны, до метра диаметром в комле. И после такого пожара остается сплошная чернота о огромные черные столбы, снизу часто не толще человеческой руки, а в средней части могут быть полуметровые. Такой многотонный столб может упасть от толчка ребенка.

С километр, а может больше шабашники потушили, при этом постоянно приходилось возвращаться.

– Обезьянья работа, мы уйдем, а огонь опять поползет – думали Москвичи

– Не совсем так – поправил управляющий.

– Мы задержали огонь на небольшом участке, но мы не одни, с самолета бросают десант, трактора опахивают. Тайга наш дом, наша жизнь, сгорит, всем будет плохо. Может сгореть и весь Устилим и еще много селений и поселков.

Послышался шум трактора. Управляющий прихватил с собой бригаду шабашников по пути. Ему так итак надо было идти в тайгу на пожар. Рев трактора приближался. Показался огромный гусеничный трелевщик. Впереди у него большая, широкая, наверно больше двух метров лопата, которой он впивался в землю и взревев сдирал кожу с земли, оставляя после себя неглубокую, широкую траншею. Если на пути попадались крупные деревья, тракторист поднимал лопату, упирался в ствол и валил вековые сосны, ели и лиственницы. Потом отодвигали их в сторону и продолжал бороздить землю, отсекая огонь от еще нетронутого пожаром леса. Подъехав к группе, остановился. Трелевщик продолжал тарыхтеть. Из машины вылез грязный, лохматый, изможденный тракторист. без слов привалился на кочку. Управляющий подошел к нему, достал из карманов четвертинку, пол буханки хлеба, два яйца и немного сала и они о чем-то поговорили. Увидев удивленные взгляды шабашников, управляющий сказал.

– Механик вторые сутки не слезает с трактора. Иван, как звали механика, тут же из горла осушил почти всю чекушку отломил хлеба и стал закусывать.

– Когда смена будет, Ефремыч? Я засыпаю на ходу.

– Кто-нибудь сможет управлять трелевщиком? – обратился он к Москвичам. Все промолчали.

– Часа два еще поползай, будет тебе смена – пообещал управляющий.

Иван допил водку, съел яйца и сало и опять полез в трактор.

Уставшие и голодные уже под вечер Москвичи вернулись в селение. Управляющий показал им столовую.

– Идите, поешьте, я уже сказал, для вас что-нибудь сделали. Потом к вам подойдет кладовщик, выдаст постели и покажет где разместиться. Завтра к восьми, как штык, я расскажу вам, что будете делать и вас отвезут на место. И нечего толпиться всем сразу. Выбирайте бригадира, я с ним обговорю обо всем. В столовой шабашников довольно прилично покормили без денег, но кухня, как потом выяснилось, учет вела. После ужина, женщина-кладовщица выдала одеяла, подушки и простыни и показала вагончики, в которых Москвичи должны были отдыхать

Жорес с Николаем разместились вместе. В вагончик, в котором они так и спали всю шабашку был разделен на две половины. В каждой половине стояло по две двухэтажные железные койки. Они разместились на верхних. Как потом друзья узнали, нижние места были заняты. Собрались в одном помещении. Еле втиснулись, уселись на кровати, обсуждая первый прошедший день. Члены бригады, как оказалось, почти все были мало знакомы. Но договорились, что старшим будет высокий, чернявый, молодой парень. Он был или парикмахером или каким-то служащим, но достаточно шустрым и энергичным.

– Меня зовут Габриэль – представился он – - но можно звать меня просто – Габи, я к этому уже привык.

Уже поздно, в полной темноте друзья-инженеры забрались на верхние койки и уснули. Соседей по вагончику не видели. Позже им пришлось познакомиться. Один из них был еще молодой, лет тридцать. Жуликоватый и угрюмый, говорил мало и не охотно. Друзья так и не узнали как его зовут. Вторым, тот который спал под Николаем, как-то рассказал, что он тоже Москвич, но уже давно в Москве не был. Мама его умерла, а он в свои тридцать девять лет, больше половины жизни провел в тюрьме. Пять или семь ходок, он и сам сбился со счета. Он улыбаясь рассказывал.

– После второй или третьей отсидки погулял на свободе несколько дней. Не удержался и гробанул магазинчик.

Виделись Жорес и Николай со своими соседями очень редко. Уходили из вагончика около шести утра, а приходили затемно. Соседи утром еще спали, вечером уже спали. Сосед-Москвич трезвым бывал редко. Частенько его как мешок заволакивали в вагончик и клали на койку, потому и поместили снизу. В дни просветления с инженерами Москвичами вел себя вполне прилично. Шабашники договорились, подъем в пять, пол шестого, завтрак в шесть – - первое, второе третье. В середине дня обед, вечером в десять ужин. На утро все собрались на первый и последний развод. Подъехал бортовой газик, погрузились и поехали. Куда? Зачем? Не известно. Николай вспомнил, что как-то в армии, роту подняли по тревоге, объявили оружие не брать, посадили в машины. Куда везут, зачем, никто не знает. Потом слышались свистки локомотивов, стук на стыках рельсов – - поняли. На станцию – вагоны разгружать. Так и сейчас, посадили четырнадцать Гавриков и повезли. Оказывается и здесь есть дороги. Без покрытия, ухаба на ухабе, но видно, что по ним ходит техника.

Машина остановилась на площади. Два футбольных поля в длину и столько же в ширину, сплошь завалено стволами, или как их звали – - хлыстами вековых деревьев хвойных пород. Задача шабашников оказалась весьма проста. Резать хлысты по рубль двадцать, то есть по метр двадцать сантиметров и складывать в штабель. Расценки по ЕНИРу – единой нормой и расценкам. Была названа эта единая норма на один кубометр, но это мало что значило. Сколько можно сделать кубов в день никто не знал. Как позже оказалось, зря платить не собирались.

– Еще мой дед говорил – сказал Жорес.

– С трудов праведных, не наживешь палат каменных.

С машины сгрузили пять бензопил Урал, три канистры с бензином и машина ушла. Леспромхоз обеспечивал древесиной спичечный комбинат – вот для него, на нижнем складе, как именовалась поляна шабашников, изготовили чурки по рубль двадцать. Кроме этого заготавливалась древесина для других предприятий и в леспромхозе было несколько бригад на лесоповале. Народ, в основном, был бывалый, много бывших зеков, севших переселенцев из разных частей союза. Жорес попробовал таскать бензопилу.

– Легкая, можно работать.

Николай возразил.

– Да, один раз, пол часа таскать на пузе двенадцать килограмм – не тяжело. А если с семи утра до десяти вечера?

Десять дней шабашники-Москвичи резали хлысты и складывали их в штабель. Попадались такие рубль двадцать, которые отрезать не просто, а поднять так и вовсе нельзя. Представьте себе. Восемьдесят сантиметров у комля и длиной метр двадцать – да эта чурка весила много больше, чем сто килограмм. Николаю приходилось таскать на плечах деревянные железнодорожные шпалы. Но за шпалу можно ухватиться, а за эту чурку, ну ни как. Хорошо еще, что таких было не так уж и много. Большинство чурок были конечно тоньше. Шабашники иногда менялись местами. Резчики начинали складывать, а укладчики резать. Но и то и другое – весьма тяжелое занятие. К концу десятого дня шабашники, не все привыкшие к тяжелому труду, стали сдавать. Измождены были до крайности. Николай признался Жоресу.

– Я устал друг, сильно устал. Не успеваю восстанавливаться. Ты то как?

– Тяжело, я тоже на пределе.

Подготовленные и физически и морально друзья понимали, еще двадцать пять дней такого напряжения не выдержать. Другие члены бригады были еще более утомлены и кое – кто сник совсем.

Позвали Габи.

– Габи, ты командир, видишь люди уморились до нельзя.

Габриэль и сам выглядел жалко, осунулся, и заметно похудел. Морально он был в еще худшем положении. У наших инженеров это была уже пятая шабашка и они знали на что идут, а Гади, было видно, растерян и подавлен.

– Слабак – про себя подумал Николай, но вслух никому ничего не сказал. Но среди всех в бригаде был человек, который проходил лесоповал и раньше. Он предложил всем посидеть.

– Сейчас я вас всех вмиг поставлю на ноги.

Он тут же разложил костер, достал пачку чая, тюремную валюту, всыпал ее в кружку и пристроил на огонь. Когда чай вскипел он сказал.

– Медленно, по одному глотку, по кругу. Каждому досталось по три небольших глотка. Николай и Жорес тоже приняли свою порцию жгучего, горького пойла. Все закурили. Через несколько минут инженеры и все остальные почувствовали необыкновенное облегчение. Стали шутить, рассказывать анекдоты.

Приехал управляющий. Он то точно знал на какую работу ставил шабашников и сколько они выдержат. Обмерил длиннющий штабель рулеткой и назвал количество кубометров. Вспомнили про расценки. Жорес моментально в уме подсчитал.

– Грубо говоря, на брата по 250 р. Не густо – и сказал об этом управляющему.

– Я вам конечно припишу переноску пеньков на тридцать метров, но больше трехсот на каждого не получится. Вижу вы устали, на этой работе долго никто не выдерживает. Да вы еще не привычны к такому труду. Хватит на этот месяц того, что сделали. Предлагаю другую работу, лучше оплачиваемую, не знаю справитесь ли вы.

– А, что делать – - спросил подошедший Габи.

– Нам нужно жилье, приезжают люди, а жить негде. Зимой в вагончиках замерзнешь. Планируется построить три дома по сто квадратных метров каждый. Один из трех уже начат –

это самострой. Рабочие сами делают для себя после работы. Вот рядом с ними нужно поставить еще два. Сможете? Кто-нибудь рубил дома?

– Я умею – сказал Николай.

– Хорошо. Завтра в восемь на месте, я покажу что и как. Утром на одиннадцатый день собрались на хоздворе. Отошли от поселка метров триста, прямо в тайгу и увидели на поляне строящийся дом. На каждой стене уже положили по три венца. Управляющий разъяснял.

– Смотрите как делают вон тот строящийся дом и делайте так же. Чертежи я вам принесу. Пилы есть. Топоры и лопаты возьмите. Электричество бросим на шестах. Ищите на краю поляны лиственницу, отрезайте по полтора метра и ставьте столбы под фундамент, как на том доме.

Управляющий ушел, а бригаду поделили пополам. В одной половине оказалось семь человек, в другой шесть. Четырнадцатый шабашник куда-то пропал. Инженеры, конечно, оказались в одной команде.

Жорес и Николай взяли бензопилу и пошли на край поляны. Свалили сразу несколько лиственниц, порезали, порезали по полтора метра и перетаскали на площадку. Отмерили большими шагами тридцать метров от уже строящегося дома и разметили кольшками, где ставить столбы для первого дома. То же сделали и для второго. Выкопали ямы, вставили столбы, засыпали, утрамбовали. Как выровнять по горизонтали? Послали Габи за теодолитом, но он проболтался где-то полдня, а прибора не принес. Вечером пришли рабочие строить свой дом. Спроси у них как установить уровень. Они подсказали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.